

Екатерина Дей

Амир

Часть V

Екатерина Дей Амир. Часть V

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30556287

ISBN 9785449055095

Аннотация

Пятая часть из серии книг Екатерины Дей «Амир» в жанре любовного фэнтези продолжает рассказ о вожде хасов, превратившемся в Тёмного ради спасения своего народа. В новых испытаниях удар Силы народа хасов по вождю и попытка пленения Амира людьми, Тёмные проходят уроки любви и человеческих отношений.

Содержание

1
Конец ознакомительного фрагмента.

5
92

Амир

Часть V

Екатерина Дей

© Екатерина Дей, 2018

ISBN 978-5-4490-5509-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Буря за окном помогла мне хотя бы немного разложить мысли, пусть не в стройном порядке, но хотя бы так, чтобы можно было их думать.

Итак, пророчество предрекает, смешное выражение, но что поделаешь, так получается – Амир должен отдать в жертву именно женщину. Гарем, никуда от него не деться. Любить нельзя, именно любить вождю нельзя, ироду получается можно, раз позволил Закон, а вождю нельзя. То есть у иродов Закон уже поменялся, а у хасов не хочет. Амиру уже всяко-разно Закон пытался дать понять, что он ошибается, спасая меня, осталось последнее, надеюсь, что последнее предупреждение. Он должен не просто отказаться от своей любви, он должен заплатить ею за свою силу и жизнь народа. Я не думаю, что Сила позволит ему просто уйти от меня, всё равно сделает так, чтобы он получил остатки моей жизни. То есть убьёт, и Амир это понимает.

Я прошла по комнате, Мари так тихо сидела в кресле, что я совсем забыла в своих думах – она же осталась меня охранять.

– Мари, со мной ничего не случится.

– Я никуда не уйду.

– Пока твой отец далеко, Сила меня не тронет.

– Я останусь.

Упорство, достойное дочери вождя. Я подошла к ней и обняла, какая удивительная девушка, как она чётко сбила Сэма с этого состояния превосходства над Вито. Когда Сэм немного пришёл в себя от того, что в одно мгновение стал братом дочери вождя, Мари заявила:

– Сэм, мне шестьсот лет, значит ты мой младший брат. Когда отец тебя обратил?

Новоявленный родственник сразу забыл о закрытой информации и признался:

– Около двухсот лет назад, я не знаю точной даты.

Тут уже и Вито воспользовался ситуацией:

– Пацан совсем.

И откуда таких слов набрался, пожалуй, ведьма Фиса повлияла на всех своим этнографическим языком. Мари внимательно на младшего брата посмотрела, вернее, осмотрела с ног до головы:

– Ты и энергией хасов владеешь?

– Амир многому нас обучил.

– Вас с Виктором?

– Нас четверо.

Мари радостно взмахнула руками:

– Так у меня теперь четыре брата! Вито, у меня четыре младших брата появилось...

– Будет кого воспитывать.

И таким взглядом на меня посмотрел, что я вынужденно кивнула головой, только чтобы улыбку спрятать, вот теперь

и этот в артисты подался. А он продолжил:

– Мари строгая, дочь своего отца.

Ещё немного и Сэм пожалеет, что оказался кровным родственником. И судя по бледнеющему лицу, начал осознавать ответственность перед вождём за то, что выдал страшную тайну. Хотя в этом я могу его оправдать, я сама догадалась и всем рассказала. Кстати, сразу возник вопрос, и я его задала Вито:

– Амир всего четверых обратил?

– И Софию.

Так как я не имею представления, как этот процесс происходит, кроме слов Фисы, что через кровь, то сразу поняла лишь одно – Амир своей кровью особо не делился. Получается, что он лишь находил тех, кто уже был иродом, или нет? Но этот вопрос при Сэме задавать не хотелось, и я только кивнула головой.

– Сэм, а как ты будешь проверять мою энергию? Всегда меня сопровождать?

– Нет, я далеко чувствую тебя. Мне достаточно находиться в доме.

И так на меня посмотрел, что я милостиво ему разрешила:

– Сэм, я буду сейчас обедать, можешь быть свободен.

– Я провожу.

Мы с Мари сразу пошли к столу, не стали интересоваться, куда Вито отведёт будущего шурина, так, кажется, называется брат жены. Надо у Фисы уточнить этот ставший животре-

пещущим вопрос. Фред засуетился, хлопнул в ладоши и нам сразу принесли обед. Когда он собрался уходить, я остановила его:

– Фред, посиди с нами.

Он робко присел на краешек дивана и сложил руки на коленях, явно за стол садиться не осмеливается. Одно дело с Фисой, ведьма всё-таки, а с женой и дочерью вождя дело совсем другое.

– Фред, я хочу тебя поблагодарить.

– Рина, что ты...

– Если бы не ты, и помощь твоей Богини, я бы не смогла так...

– Рина, я горжусь тобой! Сначала я испугалась, что ты отказываешься от помощи отца, а потом поняла – ты совершенно права.

И сразу мудрая и строгая шестисотлетняя дочь вождя превратилась в юную волнительную девушку. Интересно, а как она представляет мою борьбу с Силой целого народа, тем более, что уже есть настоящее древнее пророчество:

– Что теперь делать?

– Любить отца! Он спасёт тебя, но...

Мари замолчала и склонила голову.

– Но – что?

– Он должен знать, что ты его любишь.

– Он знает.

И опять проявилась мудрая и всё понимающая Мари:

– Что ты будешь любить его, даже если ему придётся отказаться от тебя.

Мой взгляд Мари выдержала, смотрела на меня ясными голубыми глазами Амира.

– Отец найдёт способ тебя спасти.

– Я знаю.

Виктор появился, когда мы ужинали. Весь оставшийся день я пролежала на постели, Мари лежала рядом и молчала. Я о многом хотела её спросить, но когда устроила голову на подушку, то сразу представила Амира, и все вопросы исчезли. Так до ужина я и вспоминала наши разговоры, поездки, выяснения отношений. А ещё его молчание, как он смотрел на меня и молчал.

Фред придумал для нас фруктовый салат, догадался, что есть мы не хотим, только изображаем режим питания.

– Добрый вечер.

Виктор встал на пороге и вытянулся, его лицо как-то изменилось, никакого превосходства во взгляде, пожалуй, сейчас опустится на колено и изобразит полное подчинение. Может вождь уже успел им объяснить разницу в степени их родства с Мари?

– Проходи.

– Я лишь хотел доложить, что прибыл.

– Хорошо.

И что теперь? Рядом с ним проявился Вито и сказал слово, Виктор повёл на него глазами, но не двинулся, поднял

на меня взгляд. Понятно – прямое подчинение жене вождя.

– Виктор, Вито отвечает за мою безопасность перед вождём, я ему полностью доверяю. Сэм сказал, что вы чувствуете мою энергию далеко.

– Какие указания вам дал мой отец?

Мари задала вопрос таким тоном, что я едва удержалась, чтобы не посмотреть на неё. Вот это да, оказывается, я её не знаю, куда делась юная девушка, почти подросток... и о чём это я? Она дочь Амира, абсолютно самостоятельная личность в мире иродов, ведьм и мутантов. Со своей школой, охраной и ещё много чем, о чём я даже не догадываюсь.

– Охранять и следить за энергией жены вождя.

Виктор оценил тон и взгляд Мари, глаза изменились, попытались выразить подчинение, но я своим нервным состоянием почувствовала – он сказал лишь часть правды. Я встала из-за стола и подошла к нему, Вито вышел чуть вперёд.

– Виктор, что тебе ещё приказал вождь?

Он неожиданно опустился передо мной на колени и склонил голову. Вито стремительным движением подхватил меня и оказался на другой стороне комнаты. И Мари оказалась перед нами.

– Вито... Мари... я не боюсь...

– Что приказал вождь?

Но Виктор смотрел на нас изумлённым взглядом и не мог ничего сказать, он никак не ожидал, что меня будут таким

образом оберегать и от него. Мари повторила свой вопрос:

– Что тебе приказал мой отец?

Взгляд Виктора изменился, но ответить он не успел, у Вито зазвонил телефон, вождь решил высказаться сам.

– Вито отпусти...

Он выпустил меня из рук, но встал так, что я оказалась за их спинами. Разговор оказался коротким, Вито выслушал и обернулся ко мне:

– Рина, Амир скоро вернётся и всё объяснит сам.

Мари тоже посмотрела на меня и улыбнулась – вот так она отца и воспитывает.

А сейчас эта удивительная девушка сидела в кресле и охраняла меня в собственном доме, полном разнообразной охраны, доме, который может превратиться в скалу. И ещё Вито за дверью, да братья сводные.

– Мари, иди спать.

– Рина... расскажи мне об отце.

Я потянула её за руку и улеглась с ней на постель. Когда обняла и прижала девушку к себе, она вдруг заплакала.

– Мари, всё будет хорошо, всё у твоего отца получится.

Скоро Фиса приедет, она мудрая...

– Ты самая лучшая, я... смотрела сегодня... и... я так не умею... любить не умею... я верю тебе...

– Девочка моя, ты всё можешь, ты любишь Вито, и он любит тебя. Ты же отказалась за Феликса выйти замуж, хотя отец и приказал тебе.

– Да он так на меня смотрел! Говорит, а у самого такие глаза... он стал другим, совсем другим, он отличает, я не знаю, как сказать...

– Своих от чужих?

– Да! Я раньше никогда не знала, что он думает, у него глаза... они стали другими...

Она всхлипнула, утёрла слёзы рукавом и уткнулась мне в плечо:

– Отец с тобой... он тебя...

– Я знаю.

– Он сказал?

И сразу побледнела, закрыла мне рот ладонью, я удивлённо раскрыла глаза, а она зашептала:

– Он ничего тебе не говорил, ничего? В любви не признавался, ведь правда, он тебе не говорил о своей любви?

Не сразу догадалась, почему Мари так настойчиво требует, чтобы я сказала, что Амир не признавался мне в любви, удивлённо хлопала глазами, а она повторила:

– Отец же не любит тебя, правда?

И наконец, я поняла – пророчество, Сила всё слышит и понимает. Мгновением вспомнились свои мысли, что буду ждать слов и коленопреклоненного признания, а этого-то и не было. И совершенно честно ответила:

– Нет, не любит. Не признавался.

Мари облегчённо вздохнула, а я уткнулась в подушку, чтобы не расхохотаться, странные отношения с Силой сво-

его народа у дочери вождя. И она не выдержала и тоже тихонько засмеялась.

Так мы утром и проснулись вдвоём, всю ночь спали, крепко обнявшись. Я чмокнула Мари в щёчку и затребовала:

– Бассейн и завтрак.

Она сонно кивнула головой и снова улеглась мне на плечо. Только появление Вито в комнате заставило Мари встать.

– Рина, Мари, доброе утро.

И такая улыбка, что я глаза прикрыла, счастливый влюблённый любовался своей возлюбленной. Ну и то, что жена вождя рядом, жива и здорова, тоже неплохо. Пожалуй, это его бы устроило, мы с Мари вместе, легче охранять.

На пороге бассейна мы встали и переглянулись: вся поверхность воды была покрыта лепестками роз. Вито только пожал плечами, никакого отношения к этому безобразию он не имеет, но его глаза так блестели, что я засомневалась – может это не вождь распорядился, а будущий зять своей невесте очередной раз в любви признался?

Виктор и Сэм появились лишь раз за весь день, пришли сказать доброе утро, а потом опять исчезли. Я решила уточнить, а где они в доме находятся? Вито на мой вопрос усмехнулся и ответил в стиле вождя:

– Есть помещение.

Мой взгляд Мари поняла правильно и ответила примерно в том же духе:

– Отец нас ещё не познакомил официально.

То есть одно дело изобразить этим крутым мальчикам, что она их сестра, причем старшая, а другое – пустить за стол, хотя бы символически. Как там в книжках про жизнь благородных семейств: пусть пока в людской посидят, вместе со слугами, хозяин вернётся, он и укажет место. А Вито для них главный, явно и сам вождь соответственно выразился, хотя Виктор демонстративно мне доложил, что прибыл.

Мы с Мари целый день провели вместе, она ни на шаг не отпускала меня от себя. В какой-то момент я вдруг осознала – она себя чувствует спокойнее рядом со мной, просто прижавшись к плечу, ощущая моё присутствие. Ей нужна мать, женщина, которая понимает её страхи и сомнения, права Фиса – Мари ребёнок в одночасье ставший взрослым и сильным. И даже любовь Вито, такая нежная, не сможет заменить ей любви матери, которой она практически не знала.

– Мари, а что ты помнишь из своего детства?

– Почти ничего, отдельные картинки... сад, какие-то женщины в цветных платьях, а однажды видела отца. Я потом поняла, что это был он.

– Каким ты его помнишь?

Мари долго молчала, смотрела на коралловый риф, который время от времени полностью исчезал в бушующих волнах. Мы пришли в круглую комнату, и ей понравилось менять виды моря за окном.

– Все в гареме испугались... выстроились в ряд и долго ждали, а меня поставили вперёд с каким-то мальчишкой. Я

потом узнала, что это был мой брат, который умер от болезни. Но я его не помню совсем, больше я его никогда не видела.

Только через несколько минут она продолжила:

– Отец меня не заметил... не увидел. И даже сына... он не остановился, прошёл мимо.

Я обняла её, но не придумала, что сказать, только погладила по светлой головке. Таким нужен вождь Силе народа, никаких чувств ни к кому – ни к женщине, ни к ребёнку. Важны только интересы народа, безликой массы в абсолютном подчинении. И Сила не ограничится мной, такой дочери у вождя тоже не должно быть, она всего лишь женщина, собственность мужчины и аппарат для производства наследников. Не так – преемников вождя.

– Мари, отец любит тебя.

Сказала и зажала рот пальцами, но она даже не оглянулась, не вспомнила о пророчестве, или решила, что оно её не касается. Но после её слов у меня мороз прошёл по коже:

– Отец не любит меня... я так и осталась для него девочкой из гарема.

Невозможная ситуация: и сказать ничего ей нельзя, попытаться переубедить – вдруг я права, и Сила действительно Мари попытается уничтожить – и промолчать, значит, согласиться с ней.

– Мари... отец учится... он пытается научиться... он слышит тебя и видит.

К моей радости Мари отвернулась от окна, и я попыталась мимикой ей напомнить о пророчестве, но она лишь удивлённо вскинула на меня глаза.

– Ты дочь вождя... понимаешь – дочь.

– Дочь...

– Раз ему нельзя любить женщину, а он её не любит, то и дочь он тоже любить не может.

Покрутив у виска пальцем, я закатила глаза и промычала нечто, в надежде, что она меня поймёт. Мыслительный процесс продолжался недолго, Мари улыбнулась и кивнула головой:

– Не может.

– И этих... двоюродных тоже.

– Каких?

– Новоявленных младших...

Она расхохоталась и махнула рукой, об этих и речи нет. А я вдруг подумала, а почему мы такую конспирацию развели: Сила явление энергетическое, она Амира будет просчитывать, а мы можем думать и говорить, всё что угодно, мало ли что глупым женщинам взбрѣдет в голову.

– Ты не права.

– Роберт!

Он стремительным движением встал на колени и опустил голову. Мы с Мари переглянулись – что это, его шутка или очередной приказ вождя? Но Роберт головы не поднимал, и я спросила:

– А где Фиса?

– Анфиса разговаривает со своим женихом.

– С кем?

– Женихом.

Роберт головы так и не поднял, и голос звучал глухо, очень напряжённо. Мари решила уточнить, хотя задала вопрос скорее в надежде, что Роберт поднимет голову:

– С Джоном?

– С Семёном.

– Каким Семёном?

– Женихом.

– Роберт... но это же было двести лет назад... Сэм!

Фиса тогда сказала, что Амир обратил её жениха Семёна... который превратился в Сэма и не помнит прежней жизни. Ах, вождь, хитро-мудрый вождь, что же ты придумал, какое испытание устроил влюблённой паре. Мари тоже вспомнила тот давний трагический момент, когда Фиса рассказала свою историю и призналась, почему стала ведьмой и хотела меня убить.

Когда Роберт поднял на нас взгляд, его глаза были настолько никакими, что я прижала руки к груди:

– Роберт... Фиса... она уже другая...

Но он спокойно встал с колена и сложил руки на груди, заговорил тяжёлым мрачным тоном:

– Рина, ты не права. В Пророчестве говорится о женщине-жертве, не уточняется, какой – жены или дочери. Или

просто женщины, которую полюбит вождь.

Такой резкий переход смогла осознать только Мари, я ничего не поняла – передо мной стояла Фиса с глазами, полными отчаяния от своей народившейся неправильной любви к Роберту.

– И мы не должны говорить о его отношении к себе?

– Нет. Нельзя менять энергию слов и чувств, любое слово действует на поток и может направить его в том или ином направлении. Вам нельзя даже упоминать имени вождя.

Рядом с Робертом появился Вито и так же мрачно посмотрел на нас.

– Вито, что случилось?

– Мари уезжает.

– С тобой?

– С Робертом.

Мари подскочила с дивана, но Вито даже отодвинулся, почти отошёл за спину Роберта.

– Почему?

– Никаких отношений, которые могут спровоцировать движение энергии Силы.

В ужасе я закрыла лицо руками, всё правильно, никакой любви: Вито будет страдать рядом со мной, Роберт и Мари вдалеке со своими персональными страданиями. И Фиса. Вот оно – поэтому появился Сэм! Никаких чувств, всё по-настоящему, чтобы убедить Силу, что никакой любви вокруг нас нет, все в страдании от отсутствия любви.

– Это неправильно!

Мой возглас удивил всех, Мари вздрогнула и схватила меня за руку, а гиганты качнулись ко мне. Я громко повторила:

– Неправильно! Нельзя всю жизнь от неё бежать и прятаться, она всё равно догонит! Это пророчество для того и написано, чтобы напугать всех, не дать возможности появиться самому чувству. Сила всегда этого боялась у вождя, что он станет другим и изменит всех, кто рядом с ним. Он сам... он сам – сила, та сила, которая может всё переделать по-своему, как он решит! Сам полюбит и... и допустит любовь у всех, кто его окружает, увидит их любовь... их увидит... Мари, он сейчас видит тебя, понимаешь, тебя и твою любовь!

Мы упали обе, просто повалились как пустые оболочки. Я лишь заметила безумные глаза Роберта, почувствовала его руку, прежде чем меня накрыла темнота.

Странное состояние одновременно тяжелого тела и невесомости. Я чувствовала свои чугунные руки, пальцы не разгибались, и ноги не двигались. Но при этом ощущалась лёгкость движения в пространстве. Нигде и никак, ни проблеска света, ни одной звёздочки в абсолютной темноте. Скафандр и космос.

Детский голос звонко прокричал:

– Вставай, чего лежишь, все уже пришли, а ты лежишь. Вставай!

Я попыталась открыть чугунные веки, но не смогла и го-

лос опять повторил:

– Вставай! Не ленись, делай что-нибудь!

С трудом мне удалось раздвинуть губы и прошептать:

– Не могу...

– Все пришли, а ты ленишься.

– Не могу...

– Тогда мы тебя здесь оставим.

– Где...

– В Пустоте.

– Нет...

– Вставай.

Чугун не разгибался, я уже исцарапала все пальцы. Почему течёт кровь, если пальцы, всё тело из металла. Но каждая капля крови, вытекавшая из царапин, разъедала скафандр, он откалывался большими кусками и улетал в тёмную пустоту космоса. Боль уже колыхалась острыми гранями по коже, начинала проникать в тело, ломать кости. А весёлый голос требовал:

– Не ленись, мы ждём, вставай... вставай...

И куда вставать в безвоздушном пространстве, ногам опоры нет, особенно когда все кости поломаны. Уже несколько детских голосов закричали:

– Нам некогда, вставай. Вас двое, она умрёт, если ты не встанешь.

Мари! Воспоминание пронеслось молнией, и я взмахнула рукой, показалось, что она сразу оторвалась, такая была

боль, но тут же дети обрадовались и успокоили:

– Встала, она встала, мы уходим, теперь сама.

С трудом открыв глаза, я сразу застонала от боли, кто-то рядом прошептал:

– Рина... ласточка ты наша...

Но темнота опять окружила, и я улетела в неё, превратилась в маленькую звёздочку.

Тихонечко постанывая от боли, я лежала на постели, а Фиса оборачивала меня в зелёную простыню. Рядом со мной лежала Мари, уже завёрнутая как кокон. Только она не стонала, героически переносила боль.

– Лебёдушка, птица сизокрылая, ласточка...

– Фиса... я лягушка на асфальте...

– Она, она, лягуха самая что ни на есть, лапки в стороны раскидала...

– Больно же...

– Ты глянь, как девица наша терпит, ни словечка, ни сто-на...

– Я старая, мне можно.

И Мари подала голос:

– Рина... как ты смогла...

– Мари, как видишь, не могу молча, а ты молодец...

– Как ты смогла всё вытерпеть?

– Машенька, ты не вороши, нашей ласточке сейчас силы нужны, да и тебе тоже...

– Не буду.

Как оказалось, в сознание мы пришли одновременно, только я потом опять рухнула в темноту, а Мари смогла удержаться. Поэтому Фиса её уже в третий раз оборачивает, а меня всего во второй. Больно ужасно, кожа чувствует прикосновения мягкой ткани, как будто её натирают наждачной бумагой.

Вито и Роберт куда-то исчезли, вокруг нас суетилась только Фиса. Но простыни уже были готовы, значит, кто-то помогал ей. И получается, что не дни лежания, а часы, может минуты. На мой вопрос, где все, Фиса только вздохнула:

– Делом заняты.

И удивительно, она не ругала меня за мои слова, которые спровоцировали удар Силы. Хотя при этом пострадала и Мари. Боль мешала думать, и я решила отложить такой сложный процесс на потом.

После четвертого обёртывания мне стало значительно легче, кожа уже не чувствовала каждую ворсинку, о чём я радостно сообщила Фисе, и она подошла ко мне, грустно сказала:

– Рина, теперь отдохнуть придётся.

– Отдохнуть?

– Спи, милая.

Она сложила ладошки, как трубу, дунула через них мне в лицо, и я уснула.

Гарем. Когда я пришла в себя, всё уже было решено и объявлено Мари. Вождь даже не заходил посмотреть на меня,

вызвал Мари и объявил о том, что мы с ней будем пока жить в доме, а потом он решит нашу судьбу.

– Отец всё помнит, но... не чувствует, Фиса, это не он...

Фиса гладила рыдающую Мари по голове и только вздыхала. Вот Сила и добилась своего – никакой любви, ни у кого, ни у вождя, ни подчиненных, судя по красным и расстроенным глазам Фисы. Только я по случайности пока осталась жива. Дети, меня спасли дети, как и обещали, вернее нас с Мари. Сила может поэтому и оставила меня в живых, потому что получила энергию дочери вождя, и пока вождь останется таким, каким нужен ей, у нас есть надежда. Надежда на что? Что вождь когда-нибудь вспомнит о нас?

Я попросила Мари рассказать, как он говорил с ней, не знаю, зачем мне это было нужно, но что-то тревожило помимо мыслей о неясном будущем в гареме. Мари присела на краешек кровати и, утирая слезы, подробно рассказала:

– Меня по дому вёл Виктор, я никого больше не видела, только этих... они рядом с ним стояли.

– Эти?

– Их четверо, Виктор, Сэм и ещё двое. Отец ничего о них не сказал, но когда Виктор привёл меня в кабинет, то сразу встал рядом с ним.

– А ты?

– Я у двери так и стояла. Даже порог не переступила, Виктор меня...

И она опять заплакала, закрыв лицо руками. Фиса кину-

лась к ней и попыталась успокоить:

– Машенька, ты слёзы не лей, глазки светлые не тумань, образумится он...

– Фиса, он такой... я его таким никогда не видела... он как тогда... Рина, он стал как тогда...

Вождь без сердца и чувств, аппарат управления народом. Только вот зачем он этих заранее в дом отправил, ещё когда был Амиром, мужем и отцом? И сейчас рядом держит?

– Мари, а тебе не показалось во время разговора, что они как-то влияют на него, что он их слушается?

– Нет, что ты Рина, они...

Вдруг задумалась, даже губу прикусила и руки сжала ладонь в ладонь, как делал отец, когда сильно волновался.

– Странно... они... они все вместе стояли у него за спиной, как стена...

Фиса взмахнула ладошкой и быстро заговорила:

– Они по дому-то строем ходят, я видела, вождь и эти... всегда вместе...

– Фиса, а где Вито и Роберт?

– Я тут была... как вы с Машенькой упали, они вас сюда принесли, да меня вызвали...

Она на мгновение опустила глаза и сжала губы, но справилась с собой и продолжила:

– Только вождь их сразу и позвал, рядом оказался, больше и не видела их.

– А одеяла кто помогал готовить, травками пропитывать?

– Углядела...

– Кто, Фиса?

– Семён...

Мы не спрашивали её о Семёне, сначала боль от всего отвлекала, а потом я спала.

– Он по приказу вождя действовал?

– Не знаю... сам пришёл... не до разговоров было.

Фиса резко отвернулась и отошла к окну. Мы с Мари переглянулись и решили не приставать к ней с вопросами о Семёне, слишком болезненная ситуация для Фисы, да и более насущные вопросы надо обсудить.

– Мари, как ты думаешь, за нами вождь наблюдает?

– Не знаю.

Она пожала плечами, настолько привыкла к камерам, что уже не думает о них. А я подумала – не должен отключить, вождь есть вождь, контроль над всем, даже над гаремом, который его особо не интересует. Так, на всякий случай.

– Смотрят...

Фиса не обернулась на нас, только вздохнула и повторила:

– Смотрят. Взгляд чужой, не вождь.

Ведьме можно верить, она чувствует то, что мы с Мари чувствовать не можем.

– И не Семён.

Она с трудом произнесла имя своего бывшего жениха, ради которого сломала свою жизнь и превратилась в ведьму, потратила сотни лет на ненависть. И я не выдержала, лихо-

радочным шёпотом спросила:

– Значит, она победила – Сила?

– Нет.

Ответ Фисы прозвучал жёстко, взгляд потемнел, и она подошла ко мне:

– Ты жива и Машенька жива. Да и я... ещё землю-матушку... никакая Сила нам не указ, по красоте баба завсегда сильнее кастрюли этой с молниями. Она батарейка, а ты – жизнь.

Фиса сжала губы и сложила руки на груди:

– Ишо солнце светит, да звёзды сверкают, глянем, чья возьмёт.

2

Нас не беспокоили уже несколько дней. Еду приносил безмолвный Виктор, ставил поднос на столик и уходил, после того, как мы поедим, забирал. Однажды я спросила его:

– Виктор, а в бассейне нам уже никогда нельзя будет плавать?

– Можно.

Мари сразу подошла к двери, и она сама перед ней распахнулась. Интересно, как это понимать? Амир обещал Мари решить нашу судьбу, может быть, этим разрешением он позволяет нам остаться жить в доме? Оказалась открытой и дверь в круглую комнату с видами моря, только пульта

управления нигде не было. Ну что ж, будем любоваться видом солнечного дня.

Фису тоже не выпускали из спальни – когда она захотела выйти, у двери оказался темнокожий молодой мужчина, видимо из остальных братьев, и остановил её:

– Нельзя.

И сразу закрыл дверь. Я со смехом заявила:

– Фиса, ты теперь главная в гареме. Мари – дочь, я – жена, полученная случайно по расчёту, тоже бессловесный вариант, значит ты – главная смотрительница за нашей нравственностью.

Она мрачно изрекла:

– Посмотрим ишо, с бабами тягаться вождю стыдоба.

– Фиса, он с нами не тягается. Он использует ситуацию по прямому назначению. Я ведь ему отдаю энергию сейчас? Отдаю, поэтому он будет меня держать в гареме. А совсем надоест, так зажует, малая потеря.

– Не позволю.

– Фиса, никто тебя спрашивать не будет. Да и дочь по своим законам замуж отдаст. Мари, прости меня, я не сумела... это я виновата, не надо было так говорить, провоцировать силу, а я по глупости своей, да наивности...

– Правду сказала. А токмо вождь готовился.

– Этими друзьями, которые за дверью стоят?

– Ими.

Мари только смотрела на нас своими огромными от пере-

живаний глазами и не могла говорить.

– Машенька, иди, искупайся с Риной. Мне поговорить надо.

– Интересно, а с кем ты говорить собираешься?

– С вождём.

Чтобы лучше её рассмотреть я даже голову наклонила, но вовремя догадалась, что она скажет камере, а та передаст вождю. Чем-то она хочет привлечь его внимание, главное – чтобы пришёл, а уж как говорить с ним она сообразит.

Нам с Мари удалось отвлечься от горестных дум: теплая вода бассейна нежно ласкала тело, и мы долго плавали. Я села на бортик и позвала Мари:

– Мы давно не пели, сейчас нас никто не слушает, поэтому можно изображать что угодно.

Она села рядом со мной:

– Что будем петь?

– Есть одна песенка.

Жил да был, жил да был, жил да был один король.

Правил он, как мог, страную и людьми,

Звался он Луи Второй, звался он Луи Второй,

Но впрочем песня не о нём, а о любви.

В те времена жила красавица одна, у стен дворца она пасла гусей.

Но для Луи была милее всех она, решил Луи что женится на ней.

Всё могут короли, всё могут короли, и судьбы всей земли
вершат они порой,

Но что ни говори жениться по любви не может ни один,
ни один король.

Не может ни один, ни один король.

Я женюсь, я женюсь, я женюсь, Луи сказал, но сбежались
тут соседи короли.

Ой, какой же был скандал, ну какой же был скандал,

Но, впрочем, песня не о нём, а о любви.

И под венец Луи пошёл совсем с другой. В родне у ней
все были короли.

Но, если б видел кто портрет принцессы той, не стал бы
он завидовать Луи.

Всё могут короли, всё могут короли, и судьбы всей земли
вершат они порой.

Но что ни говори жениться по любви не может ни один,
ни один король.

Не может ни один, ни один король. Но что ни говори же-
ниться по любви

Не может ни один, ни один король. Не может ни один, ни
один король.

Мой негромкий голос звучал в бассейне неожиданно
звонко, хотя я больше проговаривала слова, чем пела. Ма-
ри внимательно слушала и когда я промурлыкала последние
слова, спросила:

– Ты думаешь, отец снова женится?

– Не знаю, может быть. Или просто приведёт в гарем много молодых и красивых девушек.

Мари хотела что-то сказать, но в этот момент в бассейне появился Виктор. Он встал за нашими спинами и передал приказ:

– Вождь переводит Мари в другое помещение.

– Почему?

Но ответа на свой вопрос я не получила – Мари исчезла вместе с ним. Я вскочила и побежала в спальню – Фисы там тоже не было.

Прошло уже три тоскливых дня. Виктор безмолвно приносил еду, потом уносил её, я есть не хотела, только пила сок, иногда съедала несколько имбирных печений. Бедный Фред, как ему теперь плохо, он явно нас не видит, и ещё небось переживает, что поддержал меня в том разговоре с претендентом на мою руку. Увы, не помогла Богиня твоей горы, не смогла бороться с Силой народа хасов.

Усевшись на пол перед стеной, за которой буйствовало море, я тихонько запела:

Лети, печаль моя, а я останусь. Под шум, под плач дождя.

Останусь одна и провожать не стану, и смотреть не буду
вслед

Есть любовь – и, значит, нет печали.

У любви твои ресницы и твои глаза. Невозможно не влюбиться и любить нельзя

Я хочу тебе присниться, чтобы рассказать всё. Снова, снова и снова.

Молчи, печаль моя, молчи, ни слова, молчи, прошу тебя. Дай сердцу покой.

Мне ещё вернуться надо в те серебряные дни, где лишь окна распахни – и в небо.

У любви твои ресницы и твои глаза. Невозможно не влюбиться и любить нельзя

Я хочу тебе присниться, чтобы рассказать всё снова, снова и снова.

Мыслей особых не было, я сама не знала, о чём думать. Мир не появлялся, то, что произошло, продумано уже столько раз: даже не понимала, что было в действительности, а что я додумала в ужасе происходящего. Пока были Фиса и Мари я чувствовала себя относительно спокойно, само их присутствие вселяло уверенность, что всё как-то наладится общими усилиями. А в полном одиночестве, Виктор не в счёт, всё казалось нереальным. Я вспоминала Амира, счастливого Амира с сияющими глазами и страстными объятиями, смеющегося или улыбающегося. Такого, каким он был в последний момент нашей встречи, вспомнить не могла – просто тёмная фигура, есть ощущение, но нет картинки.
– Расскажи.

Вздвогнув от властного голоса, я закрыла лицо руками, на меня вдруг навалился страх, невероятный страх тела. Жёсткие руки подняли и поставили меня на ноги. Амир.

– Что ты хочешь мне рассказать?

Плотно закрыв глаза и закусив губу, я что-то промычала, а он встряхнул меня так, что голова мотнулась в разные стороны. Мгновение и я улетела на постель.

– Анфиса сказала, что ты знаешь какую-то мою тайну. Говори.

Едва выбравшись из множества подушек, я пролепетала:

– Знаю...

И только тогда смогла на него посмотреть. Гигантская, чёрная скала с холодными как лёд глазами. Амир стоял, сложив руки на груди и чуть склонив голову – вождь. Ирод.

– Где Мари?

Правая бровь поднялась, а в глазах блеснула ирония.

– Это имеет отношение к тайне?

– Да.

Я сползла с постели, плечи ломило, ноги подрагивали, мелкими шажками подошла к нему. Гномик рядом со Змеем Горынычем, который дракон.

– Далеко.

– С кем?

– Говори, что ты знаешь обо мне.

– Тогда не скажу.

Жёсткая усмешка скривила губы, а я подошла к нему совсем близко и вытянула шею. Последовала угроза:

– Есть много способов заставить говорить.

– Я знаю, а ты знаешь, что заставить говорить меня невоз-

можно. Если я не захочу сама.

– Я это знаю?

– Знаешь. Ты много обо мне знаешь. Если я смогла выжить тогда, то смогу умереть сейчас.

Амир склонил голову, провёл двумя пальцами по моей шее – прикосновение кусочков льда, даже мурашки пошли по коже. И такой же тон:

– Ты не умрёшь...

– Без твоего приказа? Амир, мы это уже проходили.

У меня хватило сил улыбнуться:

– За мыслью никому не угнаться. Кстати, Роберт читает мои мысли?

– Нет.

Пожав плечиком, я сразу охнула от боли, но Амир никак не отреагировал, и я отвернулась от него, села на постель.

– А зря, он бы смог тебе объяснить...

– Говори, что ты знаешь...

– Не скажу. Верни Фису.

– Анфисы нет в доме.

– Привези. У меня плечи болят, только она может их залечить.

Амир произнёс слово, и в дверях появился Сэм, который Семён.

– Здравствуй, Семён. А где Фиса?

Женщина может всё сыграть, например, весёлый говорок, даже когда от боли почти теряет сознание. Я не дамся ему,

не позволю себя лечить. Организм, не смей принимать его энергию, он Фису обидел, посмел забыть.

Мне удалось удивить Амира – организм послушался и энергию Семёна не принял, как тот ни старался. По очереди появились остальные, но воодушевлённый победой над Семёном, организм радостно покрылся броней, и ни у кого не получилось.

Я завернулась в одеяло и свернулась в комочек. Амир выгнал всех мановением длинных пальцев и сам подошёл ко мне, но я спрятала руки и он, недолго думая, одним движением сорвал с меня одеяло.

– Бить будешь? Бей, тогда совсем ничего не узнаешь, молекулы не смогут тебе рассказать...

Но Амир неожиданно разорвал на мне платье, а я не стала прикрываться и лишь прошипела:

– Бей, убивай как Заряну. Твои шестьсот лет уже получены, да сердце каменное и тело ледяное... Сила тебя согнула, подмяла под себя, ты щенок, а не вождь...

Даже странно, что он меня не убил, его энергия так полыхнула, что ещё немного, и я сгорю, превращусь в пепел. И именно в этот момент я вспомнила его признание на балу в Париже, светящиеся глаза и страстный шёпот: «Ты, ты, ты ночью и днём, ты, ты, ты в сердце моём». Амир исчез, я это поняла по тому, как мое тело стало остывать без потока его энергии.

Как сказала бы Фиса – с огнём играешь. А что мне

остаётся? Как разбудить сердце Амира, как освободить его от чар Силы, заставить вспомнить себя такого, каким он стал со мной? Мари сказала, что он всё помнит, только не чувствует ничего. Ирод в состоянии... агрессии, он агрессивен и эту агрессию в нём всколыхнула Сила. Ей нужен именно такой вождь, чтобы он возродил народ, сделал его сильным своей силой ирода. И снова этот вопрос – почему он послал этих четверых сразу после появления пророчества? Дело не только в Фисе и Семёне. О чём думал вождь, понимая, что может измениться и стать другим?

Я с трудом пошевелилась на постели, плечи болели ужасно, энергия Амира не вылечила их, только пронеслась огненным потоком сквозь меня. Ещё пара таких встреч и я действительно рассыплюсь на молекулы.

Утром я не смогла встать, плечи опухли и болели так, что каждое движение вызывало стон. Вот так тихо угасну в гареме после первого посещения хозяина. Теперь он не захочет знать, что за тайну я ношу в себе, слишком строптивая оказалась рабыня.

– Ты не рабыня.

В дверях стоял Роберт, мрачный, с тёмными глазами, полными боли и отчаяния. Я кисло улыбнулась:

– Пришёл мысли мои читать?

– А что их читать, они написаны на твоём лице. Можно войти?

И с каких это пор ироды спрашивают разрешения?

– С сегодняшнего утра.

– Входи. Кстати, не хочешь мне помочь?

Протянула ему руку, и он оказался рядом, схватил её своими горячими ладонями. Организм счастливо наполнялся его энергией, и я быстро почувствовала себя лучше, хотя двигаться было ещё больно. Роберт хмыкнул и спросил:

– Поговорили?

– Всего пару слов.

– Понятно. Дальше не пытайся, нечего будет собирать.

– Думаю, он больше не придёт.

Роберт опустил глаза и признался:

– Я получил приказ выяснить у тебя, что ты знаешь о вожде.

– Страшную тайну?

– Да.

– Не скажу.

– Я так и доложил.

– Амиру? Так и сказал?

– Да. Ты не скажешь, если не захочешь сама. И можешь умереть в своём упрямстве.

– Роберт, объясни мне, как это получается – он же помнит всё, всё-всё, почему не может связать события? Не хочет?

– Делает не те выводы.

От возмущения я попыталась подняться на подушках, но опять ойкнула и Роберт, вздыхая, помог мне приподняться, поправил подушки, чтобы было удобнее.

– А какие выводы можно сделать... ведь он сам...

– Он ничего не чувствует.

– Не чувствует? Совсем?

– Совсем.

– Как тогда?

– Хуже – он не помнит своих ощущений.

И сразу на шее заledenел след от его пальцев, а ведь жест был из прошлого, нашего прошлого. Пальцы помнили... он сам не помнит, а пальцы помнят! Амир поэтому меня и кинул на постель, от себя подальше и платье тоже поэтому разорвал! Руки сделали то, что уже было когда-то! Купальник и Испания! Тело помнит, тело всё помнит! Силе удалось исключить ощущения из головы, но телом она не смогла управлять, потому что это уже тело ирода.

– Рина... ты права, ты во всём права.

Роберт вскочил с колен и посмотрел на меня сумасшедшими глазами, я совсем забыла в своих стремительных мыслях, что он всё видит, все мои мысли.

– Только ты, у нас не получится. И ты самое сильное и яркое воспоминание.

Постепенно его взгляд посветлел, в нём появилась хитринка и он добавил:

– Физически и эмоционально.

И сразу у меня проявилась мысль – через физику тела можно вернуть эмоции.

– Правильно. Только будь очень осторожна, твоё тело мо-

жет не выдержать экспериментов. Судя по состоянию твоих плеч после первой встречи.

– Он будет меня беречь для того чтобы узнать страшную тайну. Теперь будет.

– Почему теперь?

– Тебя он уже позвал, значит, для него важно узнать эту тайну.

Я не стала спрашивать, куда его выслал Амир, хорошо, что хоть жив и цел, всё-таки ценит его качества как своего работника. Роберт усмехнулся и кивнул – мутантами не каждый сможет заниматься.

В дверях появился Виктор и передал приказ Амира:

– Срочно.

Почему он не сказал этого в коридоре? Почему зашёл в спальню и позвал Роберта при мне? Получил приказ посмотреть на нас? Но он видит всё в камере. Возмущён разговором? Но мог просто вызвать Роберта. Вопросы проносились у меня в глазах, и Роберт ответил на все одним словом:

– Сомнение.

Они исчезли, а я растерянно пыталась понять – какое сомнение, в чём Амир может сомневаться. Во мне? В Роберте? В нашем разговоре, слишком откровенном и без оглядки на его приказ? Он сомневается в себе! Я обозвала его щенком, его – грозного ирода и вождя! Посмела заявить, что умру, а не буду рассказывать страшную тайну о нём. И когда он позвал Роберта, хоть и ближний круг, а он о нём помнит,

но всё же не Мари и Фиса, то увидел откровенные отношения, спокойные размышления о вожде. Вот оно – физика тела всколыхнула эмоцию, пусть одну маленькую эмоцию обиды, но эмоцию!

С трудом я заставила себя встать и посмотреться в зеркало – ужас. Всё-таки лечение Фисы так быстро на мне всё заживляло, что я уже не помню, как это просто посинеть и опухнуть от рук своего мужа. Плечи стали как у борца, и шея как у него, голова практически появлялась из плеч. И это уже после поддержки энергией Роберта. Да и синева впечатляет, надеюсь, ничего не поломано. Я подвигала руками, хоть и больно, но жить можно.

Виктор принёс завтрак и так же молча исчез. Надо поесть, а то вдруг вождь зайдёт ещё чего спросить, могу же от голода упасть в обморок. В центре подноса стояла красивая золотая вазочка с мороженым, и дольками клубники было выложено моё имя. Милый Фред, нашёл способ поддержать меня хоть таким образом.

До обеда я продолжала опухать, появилось ощущение, что лежу ещё на нескольких подушках, которые постепенно увеличивались. Это не просто жёсткие руки Амира, это ещё и удар его энергии так подействовал, агрессивной энергии.

Когда Виктор принёс обед, я сказала едва слышным шёпотом:

- Можешь унести сразу, есть всё равно не смогу.
- Почему?

– Видишь, как опухла, руки не поднять. Уноси.

Он попытался лечить меня энергией, но я уже не сомневалась – у него ничего не получится, ободрённый Робертом организм чужака не воспримет. Так и получилось, Виктор тревожно посмотрел на меня и исчез с подносом.

Когда начался бред, я не осознала, время проходило в полусне. Иногда видела лица и только пыталась отвернуться от них, хотя шея уже не позволяла двинуть головой.

Я пришла в себя от того, что мягкие руки поглаживали спину и приговаривали:

– Берёзонька белая, лебёдушка, излечим всё, спинку выровняем, ручки вытянем...

– Не надо тянуть, больно же... Фиса!

– Лежи красавица, лежи милая, только и возвратилась к тебе, ещё пару дней и всё, не стать тебе берёзкой...

– Как это?

– Дак ирод поломал косточки, измял лебёдушку...

– Только плечи и болели, ничего не было поломано.

– А дурь в голове куда денешь, сподобился сам лечить, вот и изломал.

– Амир? Он меня лечил?

– Силой хотел своей, вот ею и смял тебе косточки.

– Он своей энергией мне кости поломал?

– А почто ему. Как это он и не сможет? У великих и дурь великая, раз и дунул, а от тебя только крошево осталось.

Ну, не совсем крошево, раз она мне спину массирует.

Фиса это для Амира сказала, чтобы он осознал, что без неё у него со мной ничего не получится. Нужен переводчик. Ага, телесный. Я хихикнула, но сразу ойкнула, потому как Фиса догадалась о моих мыслях и сразу решила их задавить на корню – она лучше знает, как с вождём общаться.

И опять нас никто не беспокоил несколько дней, за которые Фиса вылечила мои плечи. А я воспользовалась моментом и расспрашивала её обо всём, что касается Силы.

– Рина, да не знаю я ничего, кроме того, что Амир ею Машеньку спасал. Весь народ его на ней держался, ни болезней тебе, ни страха.

– Ни страха? Совсем ничего не боялись?

– А чего им бояться-то? Сила в вожде, да армии.

– Только у него голубой шарик?

– У него, лебёдушка, у него. Народ-то что, живёт себе и живёт, ни один враг напасть не смел, потому как знали – вождь спасёт, да ещё и месть совершит такую, что на века память.

– Всё держалось на вожде...

– На нём, берёзка белая, коли вождь силён, так и народ в силе. А армию уже он и собирает, своей силой да уменьем держит.

– Поэтому она Амира не может отпустить.

– А как отпустишь? Весь народ... а тепереча их много стало, не одна Машенька.

Фиса со значением на меня посмотрела, и я кивнула: Си-

ла народа будет бороться за Амира, не отдаст его в тот момент, когда народ практически восстановился. Тем более вождя с силой ирода. Силой, удвоенной моей энергией.

Походив по комнате, Фиса обернулась ко мне и заявила:

– Раз руки помнят, голова в порядок возвратится.

Я рассказала ей о своей догадке, что тело Амира помнит меня, и она решила воспользоваться этой памятью. Последовало неожиданное предложение:

– Ты вот что, красавица наша, поболей пока.

– Фиса, Амир же всё видит и слышит.

– Вот пусть и знает, что ты женщина – когда хочешь, тогда и болеешь.

Грустно я уточнила:

– И в бассейн нельзя?

– Как это, плавай, уточка сизокрылая, плавай, сильно для болезни-то пользлительно.

И тут же, чтобы я уж точно не сомневалась в ней, она явно задумала стратегическую операцию, взяла меня за руку и повела в гардеробную. То, что она предложила, купальником назвать можно с трудом – полосочки ткани, едва удерживаемые тоненькой цепочкой. Я даже усомнилась, неужели Амир выбрал такой купальник для меня, и робко взглянув на Фису, на всякий случай уточнила:

– Это, наверное, купальник Мари?

Фиса хихикнула, прикрыв ладошкой рот, видимо вспомнила мою попытку стать стройнее, но потом строго посмот-

рела на меня:

– На размер-то глянь. Твой, знамо твой.

Опять хихикнула и хитро взглянула сквозь умильный прищур:

– К телу белому стремление.

Я покраснела до жжения на коже, вот он план Фисы – на-помнить Амиру, вернее его телу, о стремлении к моему телу. Сообща мы всё-таки натянули на меня купальник, хотя и долго разбирались в хитросплетениях полосок.

Быстро пробежав по открытому пространству, я бросилась в спасительную воду. Ужас какой-то, в этом купальнике я чувствовала себя более голой, чем в обнажённом виде. Вот это я подумала, и сразу хихикнула, собственного мужа пытаюсь совратить. Как говорит Фиса, никак он не мог добраться до моего тела белого, а я сейчас сама его предлагаю.

Успокоившись от теплой воды, я постепенно забыла о стратегическом плане Фисы и просто нежилась. Полёживая на спине, с удовольствием наблюдала за солнечными бликами, играющими на стекле потолка.

– Рина.

От неожиданности я чуть не утонула, взмахнула руками и запуталась в ногах. Послышался громкий всплеск и Амир выплыл из глубины прямо передо мной. Мне удалось уравновеситься в воде, и я возмутилась:

– Амир, ты меня напугал.

– Ты меня боишься?

– Не тебя, неожиданности.

Фыркнула, поправила волосы и улыбнулась ледяным глазам, Амир умудрялся ровно стоять в воде, не совершая никаких движений. Даже волосы красиво уложились на голове, как будто и не нырял.

– Ты испугался, что я утону?

– Я ничего не боюсь.

– Тогда зачем прыгнул в воду?

Амир не ответил, но через мгновение я уже стояла у скамеечки, а он высился надо мной ледяной глыбой, с которой ручьями стекала вода. Я смотрела ему в глаза, а сама представляла голубую пещеру и обследование моего тела, вовремя вспомнила план Фисы. Но Амир не почувствовал моих мыслей, смотрел холодным тёмным взглядом. Тяжело вздохнув, я поменяла направление воспоминаний и ярко представила свою истерику в Испании, ревность к Люси. В какой-то момент даже улыбнулась, круто я тогда с ним обошлась на самом деле, вроде как сама восхищалась их танцем, мол гуляй молодой муж, а потом крик на весь дом учинила.

– О чём ты думаешь?

– О тебе.

Бровь чуть колыхнулась, и глаза знакомо сощурились. Правильная оказалась мысль, и я радостно заявила тёмному льду:

– У нас с тобой было много интересного, есть что вспомнить.

И какая я взрослая тётка? Я изобразила руление кораблем и стала кружить вокруг застывшего как статуя Амира, он следил напряжённым взглядом и не понимал моих движений.

– Неужели ты не помнишь? Руление кораблем! А яхта? Ты и яхту не помнишь?

Грустно вздохнула и сникла:

– А жаль.

Моё тело вспомнило движение раньше, чем осознал мозг – я упёрла свой палец ему в мокрую грудь:

– И гнома не помнишь?

Я совершенно не ожидала, что он ответит.

– Помню.

– Гнома?

– Ты не гном.

И что-то изменилось в пространстве, как тёплый ветерок появился. Но холод сразу его задавил, полыхнул метелью, и я даже испугалась, что мой палец примёрзнет к груди Амира. Ледяные руки легли на мои плечи и металлический голос спросил:

– Твоя тайна – гном?

Всё моё практически обнажённое тело сразу покрылось изморозью, но я не позволила ему оледенеть, сжала губы и чётко произнесла:

– Моя тайна – я.

– Ты?

Такая ирония прозвучала в голосе, что я вспыхнула от обиды и заговорила лихорадочным шёпотом:

– Без меня ты стал обычным иродом, страшным и злобным иродом, который ничем от остальных не отличается. И вождь ты так себе, обычный вождь, таких в Африке по сто штук на гору, куда ни глянешь – везде вождёк. Сколько таких в твоих кланах? Каждый второй? И ты теперь такой же!

Мгновением полыхнула энергия и отлетела от него, ударила о стену и от резкой боли потеряла сознание.

Фиса молчала уже второй день. Мои синяки она залечила, только голова ещё продолжала кружиться, поэтому я старалась лишний раз не вставать. И когда появился Роберт она тоже ничего не сказала, молча отвернулась к окну.

– Рина, как ты?

Он сел передо мной на пол и грустно посмотрел чернотой глаз, я пожала плечами – жива.

– Ты опять пришёл узнавать мою страшную тайну? Но я ведь её уже Амиру сказала.

– Я пришёл к тебе сам. Амир вернул Вито в дом.

– А Мари?

– Амир уехал с ней в горы.

Фиса резко обернулась к нам и прижала руки к груди:

– Неужто в пещеру повёз? Кастрюле этой...

– Не знаю. Завтра приедут Яна и Алекс.

А вот это уже новости, очень интересные и радостные новости, вождь собрал в своём доме весь ближний круг.

– И Сонечка?

– Амир о ней ничего не сказал.

Роберт старался не смотреть на Фису, но глаза сами искали её по комнате, и он склонил голову. А она вдруг подошла к нему и положила руки ему на плечи.

– Родя... ты прости меня.

Он вздрогнул всем телом и, не поднимая головы, спросил глухим, полным тоски голосом:

– За что?

– Виноватая я перед тобой, сильно виноватая...

– Семён?

Фиса вздохнула, высоко подняла голову, и я увидела в её глазах слезы, которые она старалась удержать. Но у неё не получилось, и она отошла от Роберта, закрыла руками лицо. Он вскочил, обнял её, прислонился щекой к её голове и признался:

– Фиса, любимая моя Фиса, ты мне столько счастья принесла, каждый твой взгляд счастье... я всегда тебя буду любить... не буду мешать вам с... Семёном.

Она хотела что-то сказать, но он не позволил, прижал её к себе и снова заговорил:

– Мне не страшно умереть за тебя, за твоё счастье... я теперь знаю, как это, быть счастливым хоть на миг...

И в этот момент в комнате появился Сэм. Роберт его почувствовал спиной, она округлилась, но почти сразу гордо выпрямилась, и он отпустил руки. Я попыталась встать с по-

стели, но Роберт так посмотрел на меня, что я вся сжалась, скала, могучая скала, которой не нужны защитники. Но первой слово сказала Фиса:

– Что тебе, Сеня?

Она повернулась к нему, и я поразились уверенному и спокойному взгляду ведьмы. Сэм, никакой не Семён и не Сеня – только Сэм. Он внимательно рассматривал обоих, никакого волнения, глаза постороннего наблюдателя. Наконец его взгляд обратился ко мне и прозвучал приказ:

– Жена вождя, пройди в кабинет.

Как мне удалось изобразить гордую непокорность неизвестно никому, мне в особенности, но я с удивлением услышала свой голос с ноткой каприза:

– Я плохо себя чувствую, пусть Амир придёт сюда.

Скривив губы как кокотка, я опустила на подушки и прикрылась одеялом, а сама была готова расхохотаться от вида гонца. У Сэма высоко поднялись брови, и голова чуть качнулась в сторону от удивления. Фиса тут же воспользовалась возможностью высказать своё мнение:

– Рина ещё плоха, вождь сам её покалечил, пусть прощения просить сюда и идёт. Родя, пойдём.

Взяла ошалевшего Роберта за руку и подошла к Сэму, так и стоявшему в дверях.

– Зови хозяина-то, неча на пути стоять.

Мне показалось, что Роберт своей энергией просто выдавил Сэма за порог, по крайней мере тот исчез. Фиса оберну-

лась на меня и хитро подмигнула, стратегический план ещё не отменён – действуй.

С головой прикрывшись одеялом, я радостно вздохнула, вот и получилось у них, Роберта с Фисой, никакого Семёна, он в далёком прошлом, которое для Фисы уже не имеет значения. Она живёт новой жизнью, бурной и очень счастливой. Роберт смог признаться ей в любви, и никакие препятствия для него уже ничего не значат. Именно то, что он готов был отказаться от любимой ради её счастья и говорит о его истинном чувстве, настоящей любви. Кто знает, как долго они бы мучили друг друга в обычной жизни, каждый в своих сомнениях и страхах, но реальная опасность заставила признаться в чувствах, ведь никто не знает, сколько продлится их счастье – вечность или миг.

3

Амир появился почти сразу, я ещё раздумывала о прератностях любви ведьмы и ирода, когда почувствовала, что кто-то в комнате есть. Откинув одеяло с головы, я увидела чёрную фигуру на фоне сумрачного дня за окном.

– Здравствуй, Амир.

Он качнул головой, но ничего не сказал, сложил руки на груди и мрачно взглянул на меня. И что теперь? Зачем вызывал к себе в кабинет? Или в моей спальне не может высказать то, о чём собирался говорить в своём кабинете с экра-

нами и истребителями?

Так как я почти не вставала с постели, то в халат даже не переодевалась, чего Фису стесняться, и только по утрам меняла ночные рубашки. Самая та одежда для мужа. Медленно я встала с постели, поправила бретельки и, не надевая тапочек, босиком подошла к Амиру.

– О чём ты хотел говорить со мной?

Моё тоскующее по его рукам тело не реагировало на холод взгляда, оно вспыхнуло, и я положила ладони на его локти. Грозный голос спросил:

– Почему ты не пришла?

– Я ещё плохо себя чувствую, голова кружится.

Пальчиком пройдясь по его локтю, я повторила свой вопрос:

– Так что ты хотел мне сказать?

Он молчал, а я водила пальцем по руке, отвлеклась на пуговицу пиджака, покрутила её, потом одумалась и убрала руки за спину.

– Извини.

– Почему ты просишь прощения?

Гроза ушла, и вопрос задавал уже другой Амир – следящий взглядом за моим пальцем и чувствующий его. Я пожалала плечами и отвернулась, постояла к нему спиной, несколько раз вздохнула, покрутила кистями, мол как айсбергу объяснить свои женские штучки. И наконец изрекла:

– Я чуть не оторвала тебе пуговицу на костюме.

Звук разрываемой ткани меня испугал, я вздрогнула, но не обернулась, сжалась всем телом и опустила голову.

– Теперь нет пуговиц.

Амир встал передо мной, и я подняла на него глаза, он стоял в одних брюках, ни пиджака, ни рубашки на нём не было – мощный голый торс, гордо поднятая голова. И я совершила ошибку, обняла ледяное тело и зашептала:

– Амир, я люблю тебя, я молю... вспомни себя.

Он схватил меня и кинул на постель, одно движение и моя рубашка разлетелась кусками ткани. Я не смогла прикрыться, энергия Амира припечатала меня к постели и только голова осталась свободной, она и моталась из стороны в сторону. Мой крик тонко и истерично зазвенел переливами:

– Не смей! Убьёшь как Заряну... себя убьёшь... Мари... всех убьёшь...

И вдруг статуя Амира качнулась, проявились четыре фигуры и сразу исчезли вместе с ним.

– Рина!

Крик Фисы привёл меня в чувство, и я подняла голову, Роберт мгновенным движением набросил на меня одеяло, а Фиса кинулась ощупывать моё безвольное тело:

– Ласточка... неужто посмел...

– Фиса... они... они его забрали...

– Они тебя охраняют.

Роберт встал у окна и напряжённо вглядывался в моё лицо. Фиса удостоверилась, что лебёдушка жива, подоткнула

одеяло вокруг меня и сложила руки на животе.

– Вона для чего он сюда эту компанию...

– Рина.

Он внимательно посмотрел на меня, и вдруг попросил Фису выйти, она послушно кивнула головой, погладила меня по руке.

– Роберт, а почему...

– Ты слушай его, лебёдушка, слушай.

Встала и быстро вышла. Я мёрзла и нервно дергалась под одеялом, присутствие Фисы помогало, и когда она вышла, меня охватил настоящий мороз. Роберт подошёл и взял за руку.

– Я помогу.

Горячий поток его энергии мой организм впитывал сразу, наполнял каждую клеточку теплом. Постепенно я согрелась и на меня рухнула истерика.

Я сидела на коленях Роберта и рыдала, он гладил меня по голове и даже не пытался успокоить, лишь слегка покачивал как ребёнка. И это движение его тела только усиливало мою истерику – так делал Амир, когда я плакала.

– Нет сил, Роберт, нет сил, я не смогу, он такой... холодный как айсберг, у меня не получится... он никогда не любил меня, поэтому и вспомнить не может... это не Сила, это он сам... ему нечего вспоминать...

– Рина...

Роберт провёл ладонью по моей щеке, совсем как Амир,

и я опять зарыдала. А он вдруг зашептал мне:

– Рина, я увидел тебя в первый раз, когда ты ещё спала. Лежала такая спокойная, а потом ладошкой щёку погладила и улыбнулась во сне. Я долго не мог к тебе подойти, смотрел издали.

Ещё раз всхлипнув, я утёрла слезы, совсем ничего не видела за ними. Роберт подал мне платок и плотнее завернул в одеяло.

– За... зачем...

– Амир приказал.

– При... казал...

– Мы должны были спасти тебя любой ценой. Спасти от него.

– Вы... ты и Вито?

Он никогда не комментировал приказы Амира, я с интересом слушала Роберта. Только один раз он высказался, что не поверил ему в репрессиях.

– Да. Алекса ты спасла сама.

Роберт помолчал, а я перестала дёргаться всем телом, только иногда мелко вздрагивала.

– Но мы бы не смогли, его останавливала ты сама.

– Я? А как я могла...

Он хмыкнул и засмеялся тихим, но очень ехидным смехом. Я возмущённо зашевелилась в одеяле, но вовремя вспомнила, что вообще-то совсем голая и только грозно попыталась взглянуть ему в лицо.

– Рина, вы с Фисой умудрялись такое говорить, что мы иногда... Амир кусками вырезал записи.

– Записи вырезал? Совсем?

– Себе оставлял всё, а мы...

И перед моим носом повел пальцами так, как обычно делала я – мол, только то, что остаётся.

– Вы помогали ему бороться с жаждой своими выходками.

А твои высказывания о нём?

Применил другое слово, не стал говорить истерики, но опять засмеялся. Ага, все получали удовольствие.

– Смешно, да?

– Поучительно.

Роберт решился и сильнее меня прижал к себе, энергия полыхнула сквозь одеяло, и я вздохнула полной грудью.

– Спасибо, мне уже...

– Рина, я счастлив благодаря тебе.

– Это Фиса...

– Я увидел её рядом с тобой.

И так погладил меня по голове, что я хмыкнула, не меня он сейчас ласкал.

– Роберт... давай Фису позовём.

Рука сразу одумалась, но Роберт не встал, вздохнул и продолжил:

– Амиру сейчас тяжело, хуже, чем было во время жажды.

И только ты можешь его понять... и помочь.

– Я не знаю, что делать...

– Помнить и любить. Мы не люди... думаем иначе... не понимаем... но ты... ты нужна Амиру, и сейчас он тебя чувствует. Я знаю.

– Знаешь?

– Амир сопротивляется Силе... никого за это время не убил.

Я прижалась к нему и уже опять собралась заплакать, но вовремя одумалась – слёзы не помогут, надо что-то делать.

– Амир нас сейчас видит?

– Да, он смотрит и слушает.

– Откуда знаешь?

– Фиса сказала.

– Фиса?

– Я слышу лучше тебя. А она его чувствует.

И так улыбнулся счастливо, я не видела этой улыбки, услышала в сразу изменившемся голосе.

– Роберт, Фиса любит тебя.

Он так прижал меня к себе, что я пискнула.

– Вот Амир тебе бока намнёт...

Сказала и удивилась сама, уж ревностью мой муж никогда не страдал.

– Уже было, переживу.

Смутившись от своего признания, Роберт сразу встал и уложил меня на постель, позвал:

– Фиса.

– Подожди... как это?

– Ну... ты же... иногда... Фиса, твоя очередь за Риной смотреть.

И исчез. Фиса подошла к постели и сразу спросила:

– Красавица, не болит ли чего?

– Фиса... Роберт сказал... когда это Амир... он же никогда меня ни к кому не ревновал...

Она хитро на меня посмотрела, покачала головой:

– Ты что, глупая девка, да муж твой взглядом одним Родю как кашу по тарелке размазывал.

– Фиса...

– Да ты окстись, неужто смог терпеть, коль ты лыбишься слуге его. А Федю-то...

Я ужаснулась и почти заикаясь спросила:

– А... а его... он же...

– То и спасло, токмо он тебя кормить может по твоему хотенью. Рина, да неужто вождь...

Фиса не выдержала и хихикнула, ладошкой даже махнула от смеха:

– Он никого к тебе прикоснуться не допускал, взглядом окинуть, а ты с таким целоваться сама, мол, мне и такой хорош.

И высоко подняла свой пухленький пальчик:

– Гарем. Жёны там свет белый не видели, пока не вынесут, вождь и не знал всех, а уж твой подавно...

– Почему это?

Неожиданно для себя я возмутилась: почему это Амир не ходил в гарем, игнорировал своих жён. А Фиса совсем развеселилась:

– Так и был всего ничего, двоих и заделал, а папаша его...

И замолчала, сжала губы, но нечего делать, опять проговорилась, пришлось признаваться:

– Амира из тридцати детёнышей выбрал, это токмо пацаны, а девок сколько?

– Тридцати?!

– Вот я и говорю – не ходил твой муж в гарем. А после Заряны ни разу и не был.

– А откуда ты это знаешь?

Не смутившись вопроса, Фиса посмотрела на меня мудрым взглядом всезнающей ведьмы:

– Сам сказал.

– Амир? Что не ходил в гарем?

– Заряна путь перекрыла.

Удивительный день. Амир чуть не убил меня в ледяной страсти, а потом выяснилось, что он не посещал своих жён в гареме.

Фиса осталась меня стеречь, села в кресло и заявила:

– Я тут посижу.

– Фиса, иди к Роберту.

Она улыбнулась, но покачала головой:

– Дела у него, вождь обложил. Спи, силы тебе надо беречь.

Ясенька с Лёшей завтра возвратятся, спектакля будет.

Я решила пока не спрашивать о её отношении к Семёну, как всё происходит. Она выбрала Роберта, и ясно дала это понять всем, вождю в том числе. Как всё сложно, Амир никогда и никого не любил, и получил меня в подарок, но с условием, что полюбит, и я его люблю, тогда... а что тогда, если он уже всё что можно от меня получил? Зачем меня спасать? И очередной раз рухнула в отчаяние – не стоит мне бороться за себя, только навлекаю опасность на всех. Я вдруг отчётливо поняла, что Амир уже не сможет никого убить, никого из ближнего круга. Если бы поддался Силе, то не стал сдерживаться, всё равно убил, судя по словам Роберта.

Фиса забеспокоилась, что я ворочаюсь, и подошла ко мне:

– Почто не спишь?

– Я не могу... Фиса, я не могу ему помочь... пусть бы убил, сегодня... я так испугалась...

Она тяжело вздохнула и села на краешек постели, погладила тёплой ладонью по руке.

– Рина... жива ты, жива, токмо это помни, а вождь сам образует всё. Спектаклю для того и замутил, чтобы помощь себе изыскать.

– Помощь?

– А как ты мыслишь? Он и этих вокруг себя поставил, как Родю с Витьком, дабы никого не сгубить в беспамятстве. Особливо тебя.

Тяжело поднялась и отошла к окну, долго смотрела в тем-

ноту, а потом решительно вернулась и заявила:

– Ты об стену-то удариться не успела, Сеня тебя подхватил, пока остальные Амира держали. А головка кружилась от слабости... потому как жизнь свою отдала мужу.

Хотела ещё что-то сказать, но вдруг замерла и прошептала:

– Сюда идёт...

– Амир?

Мы обе посмотрели на дверь, и она распахнулась, гигантская фигура встала в освещённом проеме.

– Анфиса, свободна.

– Амир, Рина слаба...

– Свободна.

Она грустно посмотрела на меня и покачала головой, но не то время, и не тот Амир, чтобы сопротивляться его приказам.

– Фиса, иди, я с мужем поговорю.

Когда она вышла, Амир встал перед постелью и сложил руки на груди, а я откинула одеяло и сняла рубашку. Но голос мне отказал, и я почти просипела:

– Моё тело принадлежит тебе. Моя жизнь принадлежит тебе. Ты мой господин, а я твоя рабыня. И... моя смерть тоже принадлежит тебе.

Я говорила, не поднимая глаз на Амира, прикрывая руками грудь, низко опустила голову.

– Ты не рабыня.

Властный голос был спокоен, ни тени волнения.

– Ты моя жена.

– Рабыня.

Я подняла голову и повторила:

– Рабыня. Только рабыню...

– Нет.

Голос изменился, проявился какой-то странный звук, который удивил самого Амира, и он склонил голову. Я боялась нарушить тишину даже дыханием, в темноте мне не было видно его лица, но энергия давила всё сильнее. Наконец властный голос заговорил:

– Ты действительно тайна.

Он опустил руки и повторил:

– Тайна. Ни одна женщина не интересовала меня так, как ты.

Его лицо оказалось перед моим так неожиданно, что я вздрогнула всем телом. Совершенно прозрачные глаза без зрачка рассматривали меня, а ладони схватили за плечи. Но это не было жёстким захватом, он лишь удерживал меня рядом с собой. Я едва прошептала:

– Поцелуй меня...

– Я помню... ты целовала...

Амир ответил таким же шёпотом, и глаза поменялись, в них на мгновение проявилась синева, но он вдруг опустил голову, что-то сказал резким тоном. Я вздрогнула от голоса, а Амир лишь крепче сдвинул мне плечи и вдруг сказал:

– Вито беспокоится о моей жене.

Испугавшись, что Амир рассердится на Вито, я сделала единственное, что пришло в голову – поцеловала холодные губы. Они вспыхнули сразу, пламя пронеслось по телу, и Амир прижал меня к себе. Его руки не ломали меня, обернули силой и делились энергией, а ладони страстно ласкали мое обнажённое тело. И вдруг он исчез, испарился в пространстве, и я осталась одна.

Фиса появилась сразу, подбежала ко мне, быстрым движением прошлась по плечам и попыталась уложить на постель. Но я только лихорадочно взмахивала руками и никак не могла успокоиться.

– Милая, да что с тобой? Что сотворил-то?

– Фиса, я поцеловала его... он помнит... он всё помнит...

– Радость ты наша, счастье, помнит всё, помнит... ты только ложись, да сил набирайся.

Ей пришлось дунуть мне в лицо, чтобы я успокоилась и упала в сон. Но прошло совсем немного времени, и я резко проснулась, сразу позвала:

– Амир.

– Что ты голубушка? Чего взвилась?

Она подскочила ко мне, а я пыталась куда-то бежать спасать Амира.

– Ему плохо... спасти... только я могу...

Двери распахнулись, и я зажмурилась от яркого света, Мари. Она кинулась ко мне, а я протянула руки ей навстречу:

– Мари, что с Амиром?

– Рина...

– Говори.

– Он... Вито пытается, но они не могут с ним справиться...

– Жажда?

– Не знаю... мы не понимаем, что случилось... он всё забыл, всех забыл...

– Где он? Говори!

– В саду... там мало что осталось...

– Нагишом-то не беги! Маша, одевай, держи её, шубу, шубу давай!

На меня что-то надели, завернули в шубу, и появились Роберт с Виктором.

– Рина, Амир уходит...

– Нет! Быстрее!

Виктор подхватил меня на руки, и мы оказались на берегу, Роберта не было.

– Где он, где Амир?

– Рина, я не смогу один защитить тебя.

– Не нужно меня... где он?!

Я попыталась освободиться из его рук, но он не выпустил меня, приказал:

– Закрой глаза.

Зажмурившись, я только шептала:

– Подожди меня, не уходи, я иду к тебе... я иду...

Виктор опустил меня на ноги, и я открыла глаза, мы оказались на самом краю скалы, в нескольких метрах стоял Амир. Освободившись от рук Виктора, я махнула ему рукой:

– Уходи, я сама...

– Рина, он никого не помнит.

– Меня вспомнит, уходи.

Внимательный взгляд Амира был направлен на нас, и я кожей чувствовала его напряжение, не агрессию, а реакцию на чужаков. Я даже попыталась оттолкнуть Виктора, чтобы не мешал мне говорить с Амиром:

– Уходи, ты должен уйти...

– Рина, он опасен.

Виктор поймал меня за руку и повторил:

– Амир очень опасен.

– Мне он никогда не причинит зла. Правда, Амир?

Я обратилась к тёмным тревожным глазам и улыбнулась:

– Помоги мне.

Глухой голос уточнил:

– В чём тебе помочь, человеческая женщина?

– Прикажи Виктору уйти.

– Я не знаю Виктора.

– Вот этот молодой человек, его зовут Виктор, он мешает мне говорить с тобой.

– Ты хочешь говорить со мной?

– Да, я прошу только выслушать меня. Ты вождь... ты должен меня выслушать.

Амир склонил голову и опять уточнил:

– А где твой мужчина?

Вот всё и выяснилось: он помнит себя как вождя, но ведь человеческой женщиной назвал, значит и иродом себя осознает.

– Мой мужчина забыл обо мне, ничего не помнит.

– Муж?

– Муж.

Неожиданно Амир вздохнул и отвернулся к морю. Никакой опасности я от него не ощущала и подошла очень близко, на расстояние вытянутой руки. А когда он повернулся ко мне, Виктор, так же шедший рядом со мной, вдруг улетел со скалы. Я не увидела никакого движения, и глаза не изменили ни цвета, ни выражения, то же напряжённое внимание. Лихорадочно пытаюсь вспомнить, что мне говорил Амир о своём народе и традициях, я сделала ещё шагок к нему. Он вдруг встрепенулся и отошёл, не переместился, а сделал несколько шагов ногами от меня. Я сразу склонила голову, а потом упала на колени, вдруг женщина не может так к вождю напрямую обращаться.

– Прости, вождь.

– Ты смелая женщина.

– Я хочу вернуть своего мужа.

– Зачем...

Хриплый голос с придыханием и опущенная голова, я готова была вскочить и обнять его, но вовремя себя остано-

вила. С ним что-то происходит, какая-то внутренняя борьба, и нельзя вклиниваться в неё, иначе Сила снова ударит, и неизвестно, смогу ли я что-то сделать. Тем более, что говорить он может только со мной. Или хочет сам?

– Мне нужен этот мужчина.

– Зачем?

Уже чёткий голос вождя и ирода, даже взгляд поменялся – стал жёстче, цвет стали или серого льда.

– Он меня спас. Я умирала, а он меня спас.

– Ты болела?

– Да, он... он спас меня... от Пустоты.

– Пустоты?

– Да... это такое состояние души... жизни... когда никого нет вокруг. Не так, все есть... но ты один... совсем.

Хотела добавить, что как он сейчас в Пустоте: все есть, но он никого не помнит и остался один на весь мир, но не смогла, опустила голову. И вдруг взлетела над землей, Амир подхватил меня за плечи, и мы оказались лицом к лицу.

– Что ты знаешь о Пустоте?

– Я там была... мне больно...

Он опустил меня на землю, но руки с плеч не убрал. И опять хриплый голос, и совершенно прозрачные глаза:

– Я знаю тебя... эти глаза... как тебя зовут? Рина... твоё имя Рина...

Мгновенная боль и чьи-то жёсткие пальцы зажали мне

рот, я упала на землю, и меня придавило тяжёлое тело. Громкий шёпот приказал:

– Замри.

Казалось, что взорвался вулкан, и магма накрыла нас, таковой полыхнул жар, энергия раздавила меня вместе с тем, кто своим телом закрыл от лавы. В голове взорвался фейерверк огней, и я потеряла сознание.

Дети стояли вокруг меня и плакали горькими слезами, громче всех плакал маленький мальчик, он тонко покрикивал и размазывал слёзы по лицу. Я схватила его за мокрую от слез ручку и спросила:

– Что случилось, почему вы плачете?

– Она вице щилы отдала... больше нет...

– Кто?

– Она... она тебя шпашла... щил нет...

Вдруг одна из девочек быстро заговорила:

– Ей нельзя... она сама едва жива, зачем сказал... нельзя.

Ты иди, тебе надо жить. Иди.

И махнула на меня рукой. Дети отвернулись и медленно пошли от меня в туман, постепенно растворяясь в белесом мареве.

Я открыла глаза, и сразу прозвучал радостный крик Фисы:

– Лебёдушка очнулась, краса наша, жива, жива, Машенька...

– Фиса...

– Молчи, молчи, уста не раскрывай, едва жива, сил нет...

– София... Фиса, где София?

Пытаясь встать, я только чуть качнула головой, сил действительно не было, даже голос сиплый, почти шёпот. Перед глазами появилась Мари с потухшим взором почти прозрачных глаз и коснулась моей руки:

– Рина, тебе нельзя говорить, молчи.

– Амир, где Амир?

– Он жив, всё хорошо, он вспоминает. Рина, молчи.

Я облегченно вздохнула, и медленно произнося слова практически по буквам, потребовала:

– Принесите Софию.

– Рина...

– Она спасла нас. Принесите её сюда.

– Окстись! В тебе силы на вздох! Сонюшка... оклемаётся...

А сама закрыла лицо, замотала головой в отчаянии, страшный выбор приходится делать – меня спасти или Софию. Я дёрнулась в очередной попытке встать и потеряла сознание.

Маленький мальчик сидел на большом камне и плакал, а я не могла пробиться сквозь невидимую стену, чтобы подойти к нему и утешить. Я била по ней кулаком, кричала, звала его, а он не слышал меня, не поворачивался в мою сторону, только плакал, не утирая слёз. Кто-то тронул меня за плечо, обернувшись, увидела девочку, которая говорила мне, чтобы я жила. Она поманила меня пальчиком, и когда я нахло-

нилась к ней, прошептала:

– Он может её спасти.

– Кто?

– Он.

Девочка улыбнулась грустной улыбкой и повторила:

– Он.

– Да кто же это?

– Ты знаешь.

Тёплой ладошкой она погладила меня по щеке, спокойно прошла сквозь невидимую стену и села на камень рядом с мальчиком. Они сидели такие худенькие и маленькие, сквозь тонкую ткань одежды были видны ребра и позвоночник, каждая косточка, и я с ужасом подумала – они голодают, им нечего есть.

Когда я проснулась, рядом со мной сидела Мари и горько плакала. Слезы текли по её щекам, и она не утирала их, только высоко подняла голову и пыталась сдержать рыдания.

– Мари...

– Молчи, Рина, тебе нельзя говорить. Ты не берешь энергии, совсем ни у кого, все пробовали... отец тоже... тебе нужно беречь силы, мы придумаем что-нибудь...

Она отвернулась от меня и утёрла слезы, лихорадочно вздохнула.

– Мари, София жива?

– Да... мы пытаемся...

– Я должна её спасти.

– Нет... Рина, она сказала, что её жизнь... поэтому она и выжила, чтобы спасти тебя.

Слабость давила на меня всё сильнее, но я сжала губы и несколько раз глубоко вздохнула – организм, не смей, никаких обмороков, не та ситуация, мы потом Амиру это изобразим. И странным образом мне стало легче, видимо в надежде снова почувствовать энергию сильного тела Амира, организм поискал и использовал доселе потаённые запасы.

– Амир...

– Он пытался, но не получилось.

Мысли неслись в голове, но ничего не придумывалось. Кого я знаю, кто может спасти Софию? Именно знаю. Мари сказала, что пробовали все, значит, это кто-то, кто не пробовал помочь, но я его знаю. И кого я знаю? Лица мелькали перед глазами, но ни одно из них никак не обозначилось, и вдруг картинка когтей на стекле. Она никак не уходила, и я даже попыталась покачать головой, зачем мне эта картинка, почему когти... это рука Амира. Ну и...? Амир уже пытался, и ничего не получилось. Но рука так и осталась на стекле, я пыталась думать о чём-то другом, но картинка не уходила. Тимур! Как только я вспомнила имя, то сразу появилось лицо, и я поняла – да, именно он может помочь Софии. И как? Он же просто человек, обычный... нет, не совсем обычный.

– Мари, Тимур... Софии может помочь Тимур.

– Тимур?

– Мне так сказали дети во сне. И я. Мари, торопись!

Она вскочила, но сразу опять села на постель:

– Рина... нельзя, тебе нельзя...

– Можно... иди!

От собственного крика в голове опять вспыхнул фейерверк, и я потеряла сознание.

Дети стояли рядом и удивлённо рассматривали меня. Мальчик с опухшим от слёз носом, он время от времени утирал их узенькой ладошкой, прошепелявил:

– Шможешь, мы помозем... я ей шкажал...

Я иногда приходила в себя, видела странные лица, они меняли форму, вытягивались в узкую полоску, или превращались в абсолютно круглый шар с глазами, полными боли и страдания. Глаза были чёрными, иногда совершенно прозрачными, как стёклышко. Я пыталась понять, о чём говорят бесцветные губы, но длинные звуки одной тональности не складывались в слова.

Маленькие пальчики я почувствовала, они были как сосульки, ни намёка на тепло и жизнь, даже от моей ладони они не согрелись, только моя кожа покрылась изморозью. А другая рука оказалась в жёсткой очень горячей ладони, только коснувшись её, я выгнулась всем телом и закричала от боли, пронзившей все тело. Блаженная темнота никак не наступала, я уже не могла кричать, горло забилося раскаленными гвоздями, а тело превратилось в огненную статую, которая трескается и скоро превратится в пепел.

В боли я не сразу осознала, что бушующее во мне пла-

меня изменилось, уже не так горит кожа, и я могу выделить отдельные потоки раскаленной лавы энергии. Постепенно у статуи проявились руки, потом ноги и наконец, я почувствовала всё тело, ещё сверкающее отголосками пламени, но уже не потоком магмы.

Сознание не хотело возвращаться в тело. Мысли иногда проявлялись, но я не понимала их, отдельные слова терялись в темноте и не могли больше встретиться. Я не узнавала лица, они расплывались и превращались в цветные пятна, медленно тающие в пространстве. Голоса тоже тянулись длинной нотой, только один голос волновал, но я не успевала понять слова, они распадались на буквы и растекались тоненькими струйками звука.

Когда появилось мальчишеское личико, я не удивилась, вот и оно сейчас исчезнет, но улыбка оставалась, и глазки продолжали ярко голубеть. Он весело засмеялся, и стало видно, что у него нет передних зубов, молочные уже выпали, а новые ещё не выросли. Он радостно прошепелявил:

– Вштавай, ты мошешь, он помог... ты молодеш, только помни – вщё впереди...

И сразу почувствовала горячие руки, которые обнимали меня, и слышала шёпот:

– Рина, вернись, молю, вернись ко мне...

Меня лечили все, то есть даже не по очереди, а практически одновременно. Как только я пришла в себя, Амир полыхнул такой волной энергии, что я опять потеряла сознание. В чувство меня привела Мари, которая догадалась о последствиях радости отца, заставила его выпустить меня из рук, а потом вообще выгнала его из комнаты. Её мягкие пальчики легли мне на лоб, и я открыла глаза.

– Рина...

Мари всхлипнула, но продолжить не успела, Фиса уже стояла рядом с постелью, держа в руках маленький сосуд с узким носиком.

– Маша, тепереча мой...

И сразу заставила выпить невероятно дурно пахнущий напиток, от вкуса которого я закашлялась.

– Чем ты её напоила?

Роберт отодвинул Фису и взял меня за руку, я с ужасом посмотрела на него, но его ладони лишь согрели меня после буйства жидкости в организме. Потом проявился Вито, положил мне руку на лоб, и я сразу уснула.

Восстанавливалась я долго, несмотря на постоянное лечение всякими способами, мой организм не хотел ничего делать, лежал и наслаждался всеобщим вниманием. Амир практически не выходил из комнаты, но лечить меня ему категорически запретила Фиса:

– Ты, вождь, силу свою попридержи, сдувает лебёдушку как бурей пылинку, уж мы сами, а ты контроль соблюдай.

И с утра до вечера в комнате кто-то был и как-нибудь меня лечил, мы никогда не оставались одни, даже удивительно, как Амир это терпел. Ему было разрешено только помогать Фисе меня во что-нибудь оборачивать в обнажённом виде. Мне было позволительно всё, кроме разговоров. А чтобы я молчала уже совсем, то есть не мучилась вопросами, вечером кто-нибудь мне что-нибудь рассказывал в отведённые той же Фисой часы. Песочные часы на пять минут.

Амир сидел у окна на полу и смотрел на меня невероятными светящимися звёздочками голубыми глазами. Иногда он опускал голову и долго сидел так в задумчивости, я начинала волноваться – опять переживает о том, что произошло. А Фиса, тоже редко выходявшая из комнаты, сразу чувствовала моё волнение и отвлекала его от тяжёлых дум каким-нибудь вопросом.

Даже дела Амир решал в моей спальне, ирония судьбы – кабинет вождя переехал в гарем. К нему подходили то Роберт, то Вито, реже кто-нибудь из четверки, и они в полголоса говорили на своём непонятном языке. Амир внимательно выслушивал доклад, и почти сразу давал указания несколькими предложениями. Кстати, наконец я увидела ещё двоих из четверки: негра Арно и похожего на азиата Лана. Они никогда не появлялись вместе, да и где им было поместиться в моей спальне, ставшей такой маленькой от количества посетителей. Внимательный взгляд и едва заметная улыбка, они всегда стучали в дверь, хотя явно уже предупреждали

Амира, что идут, и Фиса милостиво разрешала им войти.

Однажды, когда я уже хорошо себя чувствовала, но разговаривать мне ещё было запрещено, Яна привела Софию. Амир был недоволен, но ограничился тем, что встал рядом со мной и превратился в скалу, перекрыв своей энергией всю постель и часть комнаты. Даже Фису выдавил вместе с кувшином, она что-то возмущённо прошипела, мол зря ты так волнуешься, но встала у двери рядом с Яной.

Рассматривая красивую девочку со светлыми, короткими, но очень густыми волосами, я никак не узнавала того маленького шкелета, которого видела на острове. Большие яркие зелёные глаза тоже с интересом рассматривали меня, ведь София никогда меня не видела, лишь ощущала мою энергию. И тогда я для неё была цель.

София по-прежнему держала Яну за руку и старалась прижаться к ней, может Амир пугал её своей скалистостью, а может только так она чувствовала себя спокойно в этой жизни. Она что-то сказала Яне тихим шёпотом, и та перевела:

– София говорит, что ты очень красивая, но ещё болеешь.

– Яна, спроси у неё...

– Молчи, тебе нельзя говорить, Соня сама всё тебе скажет.

Тон Фисы был категоричен, но рука при этом ласково погладила ребенка по головке. Действительно, София заговорила на гортанном языке, и Амир оказался перед ней, чуть не вдавив их всех в стену. Яна закрыла девочку собой, а Фиса, прикрывшись кувшином, возмутилась:

– Раздавишь, вождь, дай ребёнку сказать, не зря же изрекает, Рине надобно знать. Предупреждение сие... предупреждение...

И вздохнула тяжело, покачала головой: ребёнку бы в куклы играть, да сил набираться. Амир сам перевёл то, что сказала София. Кстати, она его совсем не испугалась, выглянула из-за спины Яны, улыбнулась весёлой, немного хитрой улыбкой и добавила ещё несколько слов. Амир медленно отошёл снова к постели, подумал несколько долгих секунд и всё же сказал мне слова девочки:

– Вы теперь связаны энергией, она будет чувствовать тебя всегда. Твоя боль – её боль. Она поможет тебе преодолеть то, что тебя ожидает.

Я вопросительно склонила голову, а что ещё сказала мудрая девочка? слова не удивили, мальчика из своего сна я помнила. Но Амир больше ничего мне не сказал, произнёс несколько слов на том же языке, на котором говорила София, и она ответила ему длинным предложением. И кого она предупредила? Получается, что грозного мужа, который этим предупреждением со мной делиться не собирался. Фиса не поняла, о чём они говорили, я заметила, что и Яна не знала этого языка. Она переспросила Софию, но девочка лишь отрицательно покачала головой – тот, кому сказано, всё понял.

На этом разговор закончился, Амир произнёс короткое слово, и они вышли, а Фиса облегчённо вздохнула, встре-

ча состоялась, и ничего не произошло – я жива и здорова, а муж в курсе дел. Я уже открыла рот, чтобы спросить, куда она теперь, уедет ли с ней Яна, но Амир так на меня посмотрел, что пришлось опустить голову, никаких вопросов, только восстанавливать организм.

Из всего, что при мне говорилось, я поняла, что в доме собрались все, то есть ближний круг и великолепная четверка. Но допущены ко мне были только Вито и Роберт, Яну я увидела в первый раз с Софией, а Алекса не видела вообще.

В день встречи с Софией Амир первый раз за всё время моего лечения вечером ушёл, и его не было всю ночь. Вместе с ближним кругом разрабатывал стратегию подготовки к тому, чего не знает никто, тому, что меня ожидает, и это неизвестное я должна преодолеть. Отсутствие Амира позволило мне спокойно обдумать всё, что с нами произошло. Дело не в том, что он мешал, разговаривать мне всё равно запрещали, и он сам в основном молчал – я не могла при нём вообще думать. Мой организм чувствовал каждое его движение, вздох, взгляд. И мне казалось, что и он так же ощущал меня: стоило мне заворочаться ночью, как он сразу оказывался рядом и тревожно всматривался, не стало ли мне плохо очередной раз.

Итак, Сила лишила памяти вождя своего народа, не памяти событийной, этого как раз и не требовалось, а памяти ощущений. А вождь предусмотрел этот вариант возможного развития событий, может быть не такого конкретного, но че-

го-то подобного, и окружил себя теми, кого создал много лет назад. Мир их создавал, лепил из их душ и тел невероятные способности как физические, так и духовные. Для них ничего не существует, кроме задачи, поставленной создателем, даже если эта задача состоит в том, чтобы защитить кого-то от него самого. Отличие этой четверки от Роберта и Вито в том, что они сами ничего не чувствуют. Ни физической боли, ни душевных мук и сомнений. Есть навыки, умения и чёткий ум, для которого выполнение приказа и есть сама жизнь. Или смерть. Роберт рассказал мне, что когда Виктор со мной переместился на скалу, он остался внизу на случай моего падения вследствие непонимания вождя, это его выражение, и когда Сила ударила, то не сразу смог попасть к нам. А когда попал, то увидел практически останки Лана, закрывшего меня своим телом. Ни один ирод не смог бы выжить после такого, а он выжил, и уже на следующий день поехал за Тимуром.

И ещё на один момент обратил внимание Роберт, чуть скосив глаза на Амира, никому из них, ни ему, ни Вито – а я думаю, ему было сложно в этом признаться – не удалось бы меня спасти в таком вихре энергии. Понятно волнение Амира во время моей встречи с Софией – она ребенок, и так обладавший невероятными энергетическими способностями, в дополнение получивший его кровь. И даже то, что она меня спасла в момент удара Силы, тревоги Амира не уменьшает, слишком сильна и непредсказуема в мыслях

и поведении, так как ему не подконтрольна.

Оказалось, что привезти Софию приказал Виктор от имени вождя. Мари рассказала всю предысторию появления девочки в доме, время от времени удивлённо поглядывая на отца. Амир слушал её, не отрывая от меня глаз, полных боли и сомнений. Он просчитал всё, и почему-то сейчас сомневался в своих действиях. Получается, что великолепная четверка действовала самостоятельно в момент практически бездействия вождя, и уже сейчас он нарисовал для себя возможные последствия такого доверия. Но они действовали с ювелирной точностью, наблюдали одновременно за всеми, в особенности за ним, за его реакцией на меня, всегда появлялись в нужный момент и всё успевали. И когда Амир узнал меня даже после полной потери памяти ирода, у них уже был готов щит в лице Софии.

Мари не уложилась в пять минут песочного времени, и ей пришлось продолжить рассказ на следующий день, Фиса была неумолима:

– Ты наговоришь, а потом нам Рину спасти от мыслей да вопросов глупых.

И только теперь, когда я уже почти здорова и просто молчаливо ленюсь, понимаю, как она была права. В любой момент от своих переживаний я могла опять рухнуть в состояние энергетической потери. Моя физическая лень, немного странная, вроде как уже ничего не болит, но двигаться не хочется, и есть недостаток энергии. И хотя меня каждый день

кто-нибудь накачивал ею, мне её не хватало. Даже энергии Амира. Фиса допускала его до моей руки сначала один раз в день, чтобы бурей не сдуло, потом два, а в последние три, и всё равно я лежу.

А София была готова, судя по словам Мари, видимо дети её предупредили. Она сразу призналась Яне и Алексу, что сделает всё, чтобы меня спасти, потому что она для этого и живёт. Как всё происходило, мне никто не собирался рассказывать, но я помнила ледяные пальчики в своей ладони – в них совсем не было жизни. О том, как убедили Тимура участвовать в процессе спасения Софии, я даже не буду задумываться, тем более интересоваться его судьбой, помог уже хорошо, замолил часть своих грехов. Мари только сказала, что энергию Тимура вынуждены были передавать Софии через меня, хотя пробовали все. Амир не принял во внимание сон с детьми, всё равно пытался оградить меня от страданий.

Фиса подозрительно помалкивала о своём участии в моём спасении, не вмешивалась в рассказы, что тоже не очень вписывалось в её характер. Зато чётко следила за песчинками в часах, сразу останавливала даже на полуслове:

– Капелька последняя изошла, конец разговору.

У меня сложилось впечатление, что они все что-то скрывают от меня, и главная в этом спектакле Фиса. Хотя, чему удивляться, она всегда самая главная, даже вождь не может с ней бороться. Интересно было наблюдать за тем, как они с Робертом старательно изображали сугубо деловые отноше-

ния. Никаких поблажек, последняя песчинка упала и сразу выговор:

– Родя, до завтрава слово придержи.

Это когда он мне с восхищением рассказывал о полёте Виктора со скалы, зрелище его поразило, заодно догадался, что вождь меня услышал. И ведь ни разу на Амира не оглянулся, даже несколько раз рукой взмахнул, описывая траекторию движения Виктора в воздухе. Вождь опустил голову, чтобы никто не увидел его реакции на такой пересказ собственных действий.

Вито уже смело клал свою руку на плечо Мари, а она иногда себе даже позволяла прислониться к ней щекой. Однажды я поймала взгляд Амира в такой момент, и столько в нём было тоски, внутренней боли, что я опустила голову и покраснела. Он тоскует по мне, возможности без свидетелей прикоснуться, поцеловать мои губы и взглянуть в глаза, которые узнал в полном беспамятстве. А Фиса ему запрещает. Именно она время от времени странным взглядом смотрит на него, и он сникает, даже плечи опускаются. Может быть, я поэтому так долго восстанавливаюсь, что продолжаю отдавать ему жизнь и они ищут выход? Не дают ему возможности оставаться со мной наедине, всегда кто-то есть, кто меня энергетически поддерживает. Поэтому и запрещают говорить.

Утром, когда Фиса помогала мне умываться, я заявила:

– Хочу в бассейн.

– Ты что это, голубушка, речи тебе нет...

– Фиса, я хочу в бассейн.

И в полную мощь голоса пропела несколько строчек из её песнопений-заговоров. Гордо взглянув в изумлённые глаза ведьмы, я направилась в гардеробную.

Я плавала, вернее, держалась на воде, сил было мало, но удовольствие получала от самой воды, тёплой и ласковой. Фиса больше не пыталась меня остановить, постояла задумчиво у бортика и ушла. Но когда я наплавалась, вернее набулькалась, то выбраться на лесенку не смогла, руки не держались на поручнях, не говоря уже о том, чтобы достать из воды тело. Сильная рука в одно мгновение достала меня и поставила у бортика, Лан.

– Здравствуй, Лан.

– Приветствую тебя, Рина.

Отошёл от меня на несколько шагов, но не уходил.

– Ты больна.

– Я уже...

– Ты слаба, твоих сил не хватит, чтобы вернуться в постель.

– Лан, я...

Можно было догадаться – через мгновение я уже лежала на постели. А ухмыляющаяся Фиса укрыла меня одеялом и сделала лицо, только язык не показала. Но я решила бороться за свободу жительниц гарема и попросила:

– Лан, посиди со мной.

Он внимательно рассмотрел меня, просканировал состояние организма, и неожиданно кивнул, одним быстрым движением сел на пол, скрестив ноги.

– Ты хочешь спросить?

– Хочу. Расскажи о себе.

Я была уверена – Лан отговорится тем, что информация закрыта, но он неожиданно улыбнулся и задал вопрос:

– Ты как жена вождя всеми интересуешься?

– Почему... нет, я просто интересуюсь. Я не знаю, как себя ведут настоящие жёны вождей.

Пожала плечами и смутилась, и что опять наговорила – он жизнь мне спас. Амир вождь, и я его официальная жена, а как жена не должна признаваться в своей полной некомпетентности. Но Лан думал иначе:

– Ты настоящая жена вождя. Я наблюдал за тобой и пришёл к выводу, что твоё поведение полностью соответствует предъявляемым требованиям.

Сообщив мне свой логический вывод, и не дав возможности уточнить, что за требования такие, он продолжил:

– Я родился во Вьетнаме около двухсот лет назад.

И так же как Семён, уточнил:

– Дату своего рождения я не могу сказать, в моём племени не вели ежедневного календаря. На тот момент мне было двадцать лет.

Он внимательно меня рассматривал своими тёмными, практически чёрными глазами – как догадываюсь, они бы-

ли такими от природы – и улыбался. А я подумала, может быть, я ошибаюсь, и они не такие уж бесчувственные на самом деле, просто вождь такую задачу перед ними поставил – не оглядываться ни на что, действовать, только действовать.

Пытаясь изобразить жену вождя, я спросила:

– Тебя сам Амир готовил? Вас четверых?

– Каждого из нас он готовил отдельно, мы лишь иногда встречались, чтобы выяснить степень подготовки.

– А как вы это выясняли?

Задала вопрос и опять смутилась, ну да, только мне об этом и спрашивать, но Лан ответил серьёзно, как вождю:

– Мы проводили бои и определяли победителя.

И неожиданно добавил, предвосхищая мой следующий вопрос, который возник, но я не решалась его озвучить:

– На донорскую кровь мы перешли давно. Но тебя я чувствую не так, как обычного человека.

– Почему?

Спросила и опять смутилась, мало ли какими возможностями он обладает, да и кто знает, как их создавал вождь сотни лет назад.

– В нас кровь Амира, она чувствует всё, что чувствует он.

– Чувствует?

– Энергия крови.

Я удивленно раскрыла рот – как это они чувствуют то же, что и Амир, всё-всё? И тут в разговор вступила Фиса, она как исчезала, я совсем не замечала её во время разговора:

– Подобных себе создал, клонов.

Лан повернулся к ней всем корпусом, и она даже отступила на шаг, чем-то поражённая в его взгляде.

– Мы не клоны. Клон полная физическая копия, мы носители крови и энергии Амира.

– Всю силу вождя имеете?

Фиса уточнила очень важный вопрос, ведь они умудрились держать Амира в те моменты, когда он был готов размазать меня по стене на молекулы.

– Мы такой силой не обладаем, но можем объединять нашу энергию и воздействовать на Амира.

– Коли все накинется, то и побороть сил хватит?

– Остановить на какое-то время.

И опять повернулся ко мне, решив, что ответил на все вопросы Фисы.

– В бассейне Амир сам успокоился, как только Сэм вынес тебя.

– Получается... вашей кровью...

– Он сохранил отношение и чувство к тебе. Память энергии крови.

– Вы всё-всё чувствуете?

Непроизвольно я натянула до подбородка одеяло, которое уже совсем промокло от моего купальника. И как теперь мне с ними общаться, если каждый чувствует то же, что и Амир? Лан улыбнулся такой понимающей и доброй улыбкой, что я смутилась своих мыслей и опустила глаза.

– Амир сохранил наши личности. Мы помним, что отношение к тебе – это чувство и энергия Амира. В любой момент он может приказать нам забыть... ситуацию.

Лан чуть замешкался, произнося последнее слово, определяющее всё, что происходило с нами из-за удара Силы, и мне показалось, что он хотел сказать иначе, но в последний момент передумал. Фиса со знанием дела покивала головой, так оно и будет, а я удивлённо вскинула на неё глаза: они со всем всё забудут, разве можно так?

– А зачем помнить чужую-то жизнь, своей надо жить.

Выражение лица Лана сразу стало строже, и он подтвердил:

– При необходимости мы можем забыть всё.

– Так уже было?

Мой вопрос был неправильным, я его задала и сразу поняла – как он может об этом знать, если всё забыл.

– Было. Но мы помним факт, что была поставлена задача, и мы её выполнили.

У меня было двойственное чувство: с одной стороны, хорошо, что они забудут всё, что происходило, четыре Амира это многовато, да и любое чувство категория очень и очень тонкая, неизвестно – как и когда может произойти срыв внутренних переживаний, тем более с их силой. А с другой стороны, как любой женщине мне было приятно, что великолепная четвёрка в полном составе влюблена в меня, ну почти. Фиса своим чутьем влюблённой женщины догадалась

о моих сомнениях, и возмущенно зашипела:

– Окстись, курица глупая, ты с одним-то разберись.

Я сразу одумалась и быстро спросила:

– А как вы так быстро можете восстанавливаться? Роберт сказал, что ты... плохо выглядел, когда меня спас.

И это говорит жена вождя, точно – курица глупая. Но Лан сверкнул глазами и гордо улыбнулся:

– Наши физические возможности уникальны, таких как мы в природе больше не существует. Каждый из нас сам по себе несёт силу, увеличенную кровью и энергией Амира. И соответствующая подготовка.

Пожалуй, каждый из них ходячая атомная бомба, а тогда София кто? Может быть, и прав Амир в своём беспокойстве о ней. Но Фису заинтересовал другой вопрос, о Софии она не волновалась в твёрдой уверенности, что Яна и Алекс сделают всё правильно, воспитают её своей добротой и любовью:

– Так и Семён что ли силу какую-то имел?

– Каждый из нас ещё в человеческом облике имел отличительную энергию.

Лан внимательно посмотрел ей в глаза и выдал страшную тайну:

– В вас обоих сила вашего рода. Ты бы не стала такой ведьмой без этой силы.

Теперь уже она растерянно посмотрела на меня:

– Да как это... я ж и ведьмой-то стала... коли Амир бы

Семёна не забрал...

– Сила вашего рода выбрала вас, чтобы ваши дети получили объединённую энергию. Ты бы всё равно стала ведьмой.

– Амир значит силу-то и забрал... у всего рода забрал...

Лан усмехнулся и задал Фисе неожиданный вопрос:

– Через твою деревню проходили вражеские войска? Саму деревню?

Фиса задумалась: войн за это время было достаточно, наша страна спокойствием не особо отличалась, не Швейцария, которая банками с деньгами мир в стране держит. Потом покачала головой:

– Не было... рядом проходили, а в самой никого не было.

– Твоя изба крайняя у реки.

– Откель знаешь? Неужто был?

Ответ Лана поразил её до глубины души:

– Любушку из омута я достал. Белкиных из пожара спас Арно.

Фиса замерла на мгновение, потом взмахнула руками, рот открывался, но звуков произнести не мог, а Лан добавил удивления:

– Немецкую колонну танков остановили мины, установленные боевиками.

Наконец Фиса смогла прошептать:

– Домовой... чернушка... Любушка о водяном всё... мол водяной...

Не меньше Фисы была поражена и я – вот он каков, вождь.

Понимал, что забирает силу целого рода, такого и искал, но не позволил роду исчезнуть, защитил сам. Поэтому и Фису хорошо знал, все её возможности... и что она его враг, настоящий враг. И меня ей доверил. Конечно, он знал о Фисе всё, даже о мести всего скорее думал, но выхода у него не было – только она могла меня спасти. И простил тогда, понимал её стремление меня убить, да и Семён уже играл свою роль в четверке. Случайностей не бывает, никаких, даже самых-самых случайных, где-нибудь когда-нибудь они сыграют свою роль, даже если мы этого ещё не понимаем.

– Ни словечком... кабы... я может... Рина, нет мне прощения...

Она упала на колени и закрыла лицо руками. Я попыталась встать с постели, но Лан оказался рядом с ней и поднял, неожиданно жёстким движением отвёл ладони от лица.

– Анфиса, жена вождя тебя уже простила. Посмотри на неё.

– Фиса, я простила тебя сразу, ты ни в чём не виновата! Лан, отпусти её...

Лан усадил Фису в кресло, а сам повернулся ко мне:

– Рина, ты настоящая жена вождя.

– Я... Лан, я... обычная женщина.

Он улыбнулся, кивнул, и пошёл к двери, но Фиса вдруг вскочила и протянула к нему руку, пытаясь остановить, но говорить не могла. Лан почувствовал движение и обернулся, ответил на её невысказанный вопрос:

– Семён больше никогда не был в твоей деревне. Как я никогда не был во Вьетнаме.

Фиса медленно опустилась в кресло, Лан больше ничего не сказал и ушёл, а я едва смогла встать с постели и подойти к ней. Она подскочила и сквозь слёзы стала мне выговаривать:

– Рина, с ума сошла, нельзя, сил на понюшку, вождь грозен, и так виновата...

– Фиса, не смей так думать! И вообще, не смей, слышишь! Если бы ты не стала такой ведьмой, то не смогла меня спасти!

В дверях появился Амир и действительно грозно посмотрел на Фису, но я махнула на него рукой:

– Амир, скажи ей, она не виновата...

– Не виновата.

Он слышал разговор, и кто бы сомневался. Но не возмущён Ланом, значит, разрешил выдать информацию. А грозен потому, что я купалась в бассейне и встала с постели. Фиса подошла к нему и прошептала:

– Вождь...

– Анфиса, Рина тебя простила.

Ответил таким тоном, что больше говорить было не о чем. А я решила своим способом вернуть мир между ведьмой и вождём, вспомнила обещание организму и упала в обморок. Только организм очень серьёзно отнёсся к выполнению обещания – в себя я пришла через три дня.

Всё-таки пришлось Амиру согласиться с Фисой и допу-

стить Софию для моего спасения. Сил у меня не было совсем, и я ни у кого не брала энергии. Это мне уже сам Амир и рассказал, хмуря брови, и всем своим видом изображая недовольство. Мне было очень удобно сидеть на его коленях, и я только искоса посматривала на грозного вождя. Мы смотрели на море и счастливо вздыхали.

София смогла помочь мне. Оказалось, что во мне осталась энергия Силы, но как-то смешалась с моей энергией, вернее остатками, и только она смогла её почувствовать, я не всё поняла в своём состоянии счастья. А потом они, Амир и Фиса, решили, что мне нужно отдохнуть уже серьёзно – а предыдущее лежание интересно, не было серьёзным? – и ещё на сутки усыпили. Как София избавила меня от этой энергии Силы, никто рассказывать не собирался, хотя руки побаливали, и голова немного кружилась. Но Амир уже мог находиться рядом со мной и не забирал моей жизни, это самое главное.

Когда я проснулась, Амир лежал рядом и смотрел на меня.

– Доброе утро, жена.

– Доброе утро...

Нежный поцелуй и счастливые глаза. Он сам накормил меня завтраком, забрав у Фисы поднос.

– Амир, я могу сама...

– Можешь.

И поднёс к моему рту ложечку с кашей из непонятности серого цвета. Я мрачно спросила:

– Это Фред такое приготовил?

– Анфиса.

Стало понятно, почему он кормит меня сам – ему сопротивляться бесполезно, пришлось съесть всё. Я ела кашу и думала, Амир впервые так ко мне обратился утром – жена. Чтобы напомнить мне после бессознательного состояния? Или сам уже всё вспомнил и доказывает, что мужем и остаётся? Я улыбнулась своей мысли, и Амир сразу ответил счастливой улыбкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.